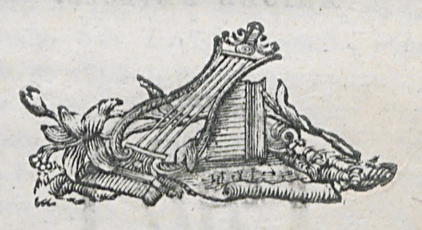
ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ ЛАВИРИНѲЪ.
ПОВѢСТЬ ВОСТОЧНАЯ.

ЧАСТЬ II.

переведена

ВАСИЛЬЕМЪ ЛЕВШИНЫМЪ.

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Везири или Очарованный Лавиринѳъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской* Типографіи *книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій* Совѣтникъ, *Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

Везири или Очарованный Лавиринѳъ.

Законы гостепріимства содержатся въ такой чести отъ Азіатскихъ народовъ, что Сагебъ не могъ, не взирая на почтеніе къ посланнику премудраго, оправдать слова его къ Цериру; но узнавъ, по чьему приказанію онъ такъ говорилъ, объялся скорбію по мѣрѣ преизящнаго своего сердца, и во уединенные часы ночи упражнялся разсужденіями, каковыми бы средствами отвратить злосчастіе отъ своего любезнаго гостя.

Царевичь между тѣмъ при самыхъ грозимыхъ ему нещастіяхъ былъ не очень безпокоенъ. Сколь ни былъ гордъ и вспыльчивъ нравъ его, столькожъ былъ онъ и великодушенъ; онъ самъ призналъ проступокъ свой, въ который, не успѣвъ

одуматься, едва опять не впалъ; укорялъ себя въ поступкѣ противу невольника, и считалъ слова свои за пустый звукъ чувствительности, кою не могъ признать неприличною. Что найдетъ онъ Перизаду, составляло надежду, довольно пріятную его желаніямъ; что жъ найдетъ ее скоро, не смѣла вѣрить тому любовь его.

По сему ни чуть не безпокоился онъ заботами о самомъ себѣ, но занимался только повѣствованіемъ Сагеба, коего добродѣтели приводили его во удивленіе, а при томъ умножалось нѣжное участіе его любопытства, каковымъ образомъ толь темная связь судебъ разрѣшилась.

Едва только все оживляющій день настал, Сагебъ и Цериръ побуждаемые склонностію взаимныхъ намѣреній сошлись въ сѣни на холмѣ находящейся. Тамъ привѣтствовали они себя пріятною улыбкою встрѣчающейся радости, сѣли на краю источника, и Сагебъ по прозбѣ Церира началъ.

Продолженіе повѣствованія.

Дошедъ къ высочайшей степени отчаянія, и повидимому лежа бездыханенъ въ той пустынѣ, получилъ я помощь посланную отъ вѣчно бодрствующаго Прови-

дѣ-

денія въ таковомъ мѣстѣ, гдѣ всего меньше я оныя ожидалъ. Заключи о моемъ изумленіи, Царевичь, когда я пришедъ въ себя, нашелся въ рукахъ Азаровыхъ. Я отпрянулъ и вскричалъ:

О правосудное небо! ты возвращаешь мнѣ силы, наказать того, которымъ безъ сумнѣнія лишенъ я всего дражайшаго. Скажи, злый человѣкъ, продолжалъ я, гдѣ Морадъ, гдѣ Сафира, и умерщвленная Тулруца?

Пронзительный вопль былъ первый отвѣтъ Азаровъ; онъ взглянулъ на меня боязненно, и дрожащимъ голосомъ говорилъ послѣ:

Пощади, о! пощади меня, страшный производитель достойнаго моего приговора, мститель оскорбленныхъ мертвыхъ. - - Но нѣтъ! естьли посланъ ты Тулруцою, возми твою жертву, призови всѣхъ прочихъ духовъ тьмы, и повѣли мое преступническое сердце разорвать въ части - - - За чѣмъ стоишь ты такъ недвижимъ? - - то долженъ я собственною рукою пролить кровь мою. - -

Съ словомъ симъ бѣшеный Азаръ выхватилъ кинжалъ мой, и пронзилъ бы грудь себѣ, естьлибъ не воспрепятствова-

ли ему въ томъ два невольника. Послѣ чего пришелъ онъ въ толь жалостное безуміе, что гнѣвъ мой уступилъ состраданію, и я помогалъ невольникамъ въ ихъ справедливыхъ попеченіяхъ.

На конецъ успокоился онъ, глядѣлъ на меня пристально и сказалъ:

Сего много, великодушный Сагебъ! твоя незаслуженная мною милость побѣждаетъ меня. Хотя всемогущій и наказываетъ меня лишеніемъ моего разума, но ты обязанъ мстить мнѣ за различныя бѣды мною тебѣ приключенныя. О естьлибъ былъ я въ состояніи, выполнить часть оныхъ, и показать тебѣ къ тому средства!

Слова утѣшенія, внушенныя мнѣ болѣе человѣколюбіемъ, чѣмъ надеждою, успокоили совершенно нещастнаго Азара, и продолжалъ онъ сіе:

Отъ Сафиры узналъ, надѣюсь, ты, какъ мечь казни висѣвшій надъ моею головою, и который я презиралъ, упалъ на меня. Я не былъ въ состояніи пренесть взоръ на уязвленную сестру мою, я убѣжалъ отъ глазъ ея, и проклиналъ Ардевана, Зороастра и себя.

Я далъ свободу невольникамъ моимъ и приказалъ имъ меня оставить, твердо за-

заключа, удалиться въ сѣнь сію, въ которой жилъ я въ покоѣ и удовольствіи, до встрѣчи съ Зороастромъ на пути, нещастнымъ случаемъ тогда мною предпріятомъ.

Опасаясь, чтобъ не преслѣдовали меня и въ семъ желаемомъ мною гробѣ, странствовалъ я нѣкоторое время по лѣсамъ. За двои сутки предъ симъ, когда я легъ на суровой постелѣ изъ ветвей древесныхъ, услышалъ я шорохъ двухъ идущихъ людей, кои въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ сѣли.

Здѣсь должно намъ остановиться, сказалъ одинъ изъ нихъ; въ сей страшной пустынѣ не проберемся мы далѣе; однакожъ мы довольно удалились отъ последующихъ за тобою, излей сердце твое предъ твоимъ другомъ; звонъ повѣренности не пронесется здѣсь въ зложелательныя ушеса.

О Ардеванъ, сказалъ Зороастръ, ибо онъ былъ тотъ, къ коему говорено было, коль тяжекъ трудъ, властвовать надъ духомъ человѣческимъ, или обманывать оный! Когда слабость разсудка во многихъ послѣ легковѣрія наполняетъ снопами развращенія, тогда вѣтръ непостоянства уноситъ часто лучшій удѣлъ жатвы,

вы, и нещастный вредотерпецЪ принуждается принимать веселый видЪ, во время, какЪ тяжкое облако смятенія обременяетЪ чело его.

Ты не вѣдаешь, сколь больше я опечаленЪ оставленіемЪ Азаровымъ, чѣмЪ противною вѣстію доставленною мнѣ тобою о Иецдѣ (*). КакЪ по возвращеніи твоемЪ приказалЪ я тебѣ провождать его вЪ нещастную погоню, на коей я онаго лишился, то не можешь вообразить, каковое искусное орудіе былЪ онЪ для моихЪ намѣреній: душа его исполненная тяжкомыслія дѣлала его способнымЪ для всѣхЪ отчаянныхЪ предпріятій. И какЪ ты можешь представить, чтобы мщеніе ГулруцЪ и Сафирѣ, коимЪ льстилЪ ты мнѣ, могло наградить уронЪ таковый.

МожетЪ еще возвратится онЪ просящій милости кЪ ногамЪ твоимЪ, отвѣтствовалЪ АрдеванЪ. Скорбь его, или лучше сказать, безуміе, когда увидѣлЪ онЪ дерзскую сестру свою пораженну собственною

(*) ИецдЪ городЪ вЪ провинціи Персидѣ, или понарѣчію АзіатцовЪ, Персистанѣ. Оный прославился тѣмЪ, что ЗороастрЪ положилЪ тамЪ основаніе своей сектѣ, и построилЪ первое свое капище.

ною рукою, была только слабость, ко-торая вскорѣ уступитъ силѣ вкорененна-го предразсудка.

Какъ обманываешся ты въ мысляхъ своихъ, противурекъ Зороастръ. Правда: видъ дражайшей люто пролитой крови не можетъ тронуть сердца заблуждшаго. Когда повелѣваетъ слѣпая ревность, то вонзаетъ убивственный кинжалъ въ грудь сына родитель; мать терзаетъ плодъ чрева своего; братъ предаетъ дѣвицу се-стру свою, простирающую къ нему не-винныя руки, прося о защищеніи; и всѣ союзы родства пресѣкаются: но коль ско-ро природа возвращаетъ свои правы, ког-да лишь шаткій духъ допуститъ входъ лучу разума.

Азарова вѣра во первыхъ учинена не-рѣшимою чрезъ мнимое наказаніе Сагеба и Морада, ибо онъ здѣлалъ мудрое заклю-ченіе, что имѣющій во власти помощь чрезъестественную, не можетъ прини-мать средства употребляемыя къ обма-ну зрителей.

Хотя между тѣмъ страсти любви и мщенія прогоняли лучь разума, кото-рый, какъ примѣтилъ я, проникалъ его мысли, но сіе не всегда продолжалось. Рука ужаса начертала сумнѣніе и угры-

зенія совѣсти въ сердцѣ его, когда посреди нашего моленія обожаемый огнь отразилъ страшную свою искру, и блистающая молнія съ ужаснымъ трескомъ грома трепетное запаленіе умножили новою боязнію и опасностію.

Должно признаться, Ардеванъ, что душа моя дрожала, слыша про сіе страшное приключеніе, и мнѣ неудивительно, естьли Азаръ счелъ то за знакъ божія гнѣва.

Таковое заключеніе слабыхъ и гордыхъ человѣкъ, отвѣчалъ Зороастръ, когда встрѣтятся имъ необыкновенныя хотя естественныя случаи. Ко оправданію не знанія своего и робости, выдумали они существо, коему приписываютъ таковыя недостойныя упражненія, будто бы оно и за малѣйшими ихъ дѣяніями назираетъ; но естьли бы таковое существо было, какъ бы ему отважныхъ и хитрыхъ, оковывающихъ малыя души, къ насыщенію жаждности своей къ славѣ, не считать коварными пауками, запутывающими неосторожныхъ насѣкомыхъ въ сѣти свои ко утоленію голода?

При сихъ безбожныхъ словахъ пенящіяся волны гнѣва моего, моего негодованія и стыда, прорвали оплотъ разумной

ной предосторожности, возложенной необходимостію, вывѣдать вредныя тайны обманщика. Я вскочилъ подобно змѣѣ, удержавшей на долго грозное свое сипеніе, и надмѣвающейся яростію вонзить жало свое въ стрегомую добычу. Но горячность моей запалчивости была причиною неудачи въ моемъ намѣреніи. Зороастръ послышалъ то потомъ поспѣшныхъ шаговъ моихъ, и какъ мракъ ночный уже раздѣлился, то увидѣлъ онъ меня прежде, нежели могъ я достать въ вѣроломное его сердце.

Робкій вопль его разбудилъ невольниковъ, кои въ мгновеніе меня окружили; но они доставили мнѣ заступленіе великодушнаго Морада, котораго довольные дѣйствіемъ моимъ взгляды возбудили смѣлость мою, между тѣмъ, какъ храбрость его отверзала до меня путь.

Мы дрались, какъ отважные львы противу лукавыхъ Тигровъ, для того наше явное нападеніе остоновлено предательскими хитростями. Морадъ палъ отъ кинжала безпутнаго Ардевана бывъ проколонъ съ зади; а меня повергъ каменный градъ, коимъ осыпали голову мою Зороастровы невольники, взлезши на деревья, дабы безопаснѣе дѣйствовать симъ постыднымъ оружіемъ.

По-

По нѣсколькихъ часахъ получа употребленіе чувствъ, увидѣлъ я себя только окружаема побитыми или умирающими изъ обоихъ сторонъ.

Въ безмѣрности скерби и благодарности обнялъ я бездыханнаго Морада, и почувствовалъ, что сердце въ немъ еще билось. Я завязалъ въ то мгновеніе его рану, обвилъ его моимъ кафтаномъ, и принесъ въ сей шатеръ.

Не буду разсказывать о Сафиринномъ при взорѣ на меня ужасѣ, равно и о моемъ собственномъ изумленіи; нашедъ пустыню мою заняту толь милыми непріятелями, едва могли мы сообщить другъ другу о нашихъ намѣреніяхъ; всѣ примѣчаніе наше обращено было на Морада, который по щастію могъ быть пользованъ лѣкаремъ приведеннымъ для Тулруцы.

Когда сей искусный человѣкъ совершилъ свои дѣла, подалъ намъ надежду: привлекла меня должность и любовь къ моей оскорбленной сестрѣ, кою Сафира приуготовила къ моему принятію.

Я палъ на коленахъ съ бокъ постели, и со многими воздыханіями просилъ прощенія, но она перебила слова мои, просила сама онагожъ, и сказала, что естьлибъ не видала меня близъ Ардевана, ко-

котораго подлость ей была свѣдома, то больше бы старалась привесть меня въ раскаяніе, чѣмъ толь нещастную начать драку.

Открытая ласковость и печальное состояніе, въ которомъ я ее видѣлъ, пронзили мое сердце; съ смиреніемъ разсуждалъ я, о праведныхъ попущеніяхъ казнящаго меня неба, повелѣвшаго мнѣ въ моемъ уединенномъ жилищѣ, найтить предметъ долженствующій меня лишить на вѣкъ покоя.

Между тѣмъ Морадъ пришелъ въ себя, и рана его найдена безопасною. Я пошелъ къ нему, и объявилъ, съ кѣмъ дѣлитъ онъ сіе убѣжище. Онъ оказалъ сердечное желаніе видѣть Тулруцу, но отложилъ то удовольствіе, по коль по повелѣнію Сафиры сыщутъ тебя невольники.

Какъ Тулруца имѣла толикоежъ желаніе къ сему свиданію, то удовольствовали мы ихъ волѣ; но ахъ! плачевное удовлетвореніе! исполнившее чашу моей казни.

Тулруца лишъ усмотрѣла особу, толь нѣжно ею любимую, бледну и окровавленну, возвела она просящіе очи къ небесамъ, потомъ обратила ихъ въ безмолвномъ выраженіи скорьби и раскаянія,

ко-

которыхъ изображенie могло бы и камни тронуть, на него. Морадъ былъ тѣмъ пронзенъ. Не сѣтуй о нещастiи нашемъ, любезнѣйшая Гулруца, сказалъ онъ, сердце мое того причиною, что возмутилось оно такъ сурово противу своего владѣтеля; но прими мое раскаянie, и съ сими объятiями вѣрность мою. Сказавъ сie, старался онъ къ ней приползти, но она упредила, бросясь въ его руки. Онъ прижалъ ее къ груди, на которую она положа голову, скончалась.

Рана ея отверзлась въ то мгновенie, и оросила меня кровiю, равно какъ бы укоряя меня за свирепое оныя пролитie. Весь трепетъ, все замѣшательство, провождаемое мгновенiемъ, въ кое природа наша разрѣшается, овладѣли разсыпанной моей душею. Я выбѣжалъ изъ шатра, и вылъ по лѣсамъ подобно львицѣ, лишившейся щенятъ своихъ, и опровергающей попадающiяся ей на пути деревья.

Изступленie мое продолжалось, поколь изчерпались жизненные во мнѣ духи, но оно получило прежнюю силу, когда встрѣтился я съ двумя моими отпущенными невольниками, которые возвѣстили мнѣ, что Зороастръ съ позорною

своею

своею толпою, увезъ тѣло Гулруцы, съ Морадомъ и Сафирою на своихъ верблюдахъ.

Я не вѣрилъ имъ, и хотѣлъ наказать за приумноженіе моихъ скорбей, но они укрылись бѣгствомъ отъ моей ярости. Въ сіе мгновеніе увидѣлъ я стоящаго предо мною почтеннаго старца, который мнѣ говорилъ.

Возврати твоихъ вѣрныхъ невольниковъ, и иди въ свою пустыньку: тамъ найдешь ты человѣка, столькожъ нещастнаго, какъ и самъ ты, вели ему проводить себя къ мудрому Локману, гдѣ оба вы обретете покой свой.

Повиновался я сему предложенію; невольники мои по любви ко мнѣ не съ лишкомъ удалившіеся, не раздумали послѣдовать за мной. Ты вѣдаешь, какъ я нашелъ тебя, и воззвалъ отъ преддверія смерьти; но твои гнѣвные взгляды и слова, повергли меня въ прежнее ума изступленіе, отъ коего не надѣюсь избавиться, по коль исполню данное мнѣ повелѣніе.

Когда кончилъ Азаръ свое жалостное разсказываніе, долго не отвѣтствовалъ я ему ни слова. Напослѣдокъ вспомня, что слова лишенныхъ разума, суть не посредствен-

ственное влiянiе божества, получилъ надежду, что сказанное Азаромъ явленiе, должно быть знакъ Локманова покровительства, и вознамѣрился вести его въ Iеменъ.

Но какое различiе обрѣлъ я между толь печальнаго путешествiя и того, кое уповалъ имѣть въ обществѣ Морада и Сафиры. Вмѣсто обильныхъ любовiю и дружествомъ разговоровъ, предоставленъ былъ я ежедневно изступленiямъ безумнаго, къ которому влекло меня только человѣколюбiе; вмѣсто восхитительныхъ надеждъ блискаго щастiя, томилось сердце мое заботами, страхомъ и горестiю. Между тѣмъ признавалъ я, что заслужилъ таковое страданiе, оставя въ упоенныя любовiю часы моего друга опасности.

И такъ прибылъ я въ Iеменъ. - - - съ тѣломъ изнуреннымъ отягощенiями; но съ духомъ утѣшеннымъ умѣренностiю.

Локманъ принялъ меня съ обыкновеннымъ своимъ дружествомъ, и слушалъ повѣсть страданiя моего съ сожалительнымъ благоволенiемъ; но отложилъ утѣшенiе, мною отъ него чаемое, до приближающагося опыта Лавиринθнаго, къ которому допущенъ былъ я съ Азаромъ, коему мудрый помогъ притшить въ разумъ.

Н

На послѣдовавшее за тѣмъ, принужденъ я возложить покровъ молчанія, ибо описать то я не въ состояніи. Я не могу лучше изъясниться, какъ только скажу тебѣ, что я нашелъ Сафиру, Морада и Гулруцу въ сѣни правды.

Локманъ былъ доволенъ цвѣтами Корзинъ нашихъ, будущая судьба наша долженствовала быть счастлива. Онъ соединилъ Морада съ великодушною Гулруцою, а я овладѣлъ любви достойною Сафирою. Онъ обременилъ насъ дарами своей щедрости, между коими находились драгоцѣнныя палаты въ городѣ Аденѣ, и сія пріятная деревенька.

Мы обитаемъ въ мѣстахъ сихъ попеременно, и благоденствіе наше часто возвышается отъ воспоминанія прешедшихъ злоключеній.

Морадъ разсказалъ мнѣ, что, когда онъ похищенъ былъ Зороастромъ изъ шатра, свобожденъ изъ рукъ его Фируцжаемъ, встрѣтившимся съ нимъ на пути въ многочисленномъ вооруженіи. Сей достойный повѣренный премудраго слѣдовалъ за мною по всѣмъ шагамъ моимъ, замѣтилъ дѣла мои въ Туранѣ, и очерненную измѣну Королевы; узналъ, что Гулруца впала въ жестокій обморокъ,

и возвратилЪ ее кЪ жизни, словомЪ, по велѢлЪ Азару возвратиться вЪ пустыньку, и сказать мнѢ о слѢдованіи сЪ нимЪ вЪ ІеменЪ, дабы я чрезЪ то трудное исправленіе наказанЪ былЪ за неосторожность вЪ исполненіи долга дружескаго. Гулруца сЪ своей стороны увѢдомила меня, что какЪ не желала она, чтобЪ кто страдалЪ за ея погрѢшности, то испросила прощеніе МаанѢ, которая не знавЪ о союзѢ брата ея сЪ ЗороастромЪ, показала ему полную тайну изобрѢтенныхЪ хитростей замка, изЪ чего сдѢлано таковое злоупотребленіе.

ЧтожЪ послѢдовало сЪ несчастнымЪ АзаромЪ? сказалЪ ЦерирЪ.

ВмѢсто чтобЪ мудрый позволилЪ ему возвратиться вЪ свое уединеніе, отвѢчалЪ СагебЪ, онЪ искалЪ свободить его отЪ опасной задумчивости, и на сей конецЪ возложилЪ ему должность принимать особЪ удостоеваемыхЪ отмѢнной благосклонности входа вЪ ЛавиринѲЪ, и ты имѢлЪ опытЪ, коль хорошо исправляетЪ онЪ сіе возложеніе.

А! вскричалЪ Царевичь, такЪ онЪ то почтенный хозяинЪ Каравансарая, вЪ которомЪ покоились мы послѢ изнеможенія нашего вЪ лѢсахЪ? Сей то АзарЪ, и-

имѣвшій толь превратныя склонности? Тако можетъ искусная рука бѣдному произрастенію сообщить цѣльбоносное дѣйствіе! но гдѣ Морадъ? онъ, котораго совершенства были дарованія природы. Я очень желалъ бы видѣть сего полнаго заслугъ друга Сагебова.

Ужѐ десятикратно весенняя теплота оживляла землю, говорилъ Сагебъ, какъ хладный снѣгъ отсутствія покрываетъ дружество, но вскорѣ растопятъ оный лучи соединенія: Локманъ послалъ Морада къ Афрасіабу, заступить мѣсто умершаго Везиря, и невольникъ премудраго донесъ мнѣ повелѣніе, совершить предпріятую мною ѣзду въ Туранъ.

Поѣдемъ сей часъ, вопіялъ Цериръ; каждое мгновеніе, отъемлемое у званія должности можетъ намъ стоить года заботы и безпокойствъ. Необузданныя волны моихъ страстей утишились въ морѣ моего разсужденія, и оное будетъ отсѣль колебаться только кроткимъ вѣтромъ подражанія твоимъ добродѣтелямъ.

Какъ Сагебъ приуготовленъ ужѐ былъ къ оставленію Іемена, и простился съ своими оставшимися въ полатахъ Аденскихъ, то не замедлился Церирь въ мученіяхъ нетерпѣливости. По нѣсколькихъ

днахъ отъѣхали они съ ясностію вливаемою добрымъ намѣреніемъ, на концѣ малаго Каравана, снабженнаго всѣми выгодами къ путешествію.

На дорогѣ ихъ къ Зеленому морю, часто освѣдомлялся Царевичь, но тщетно о Гистаспѣ. Раждались въ немъ разныя сумнѣнія, и говорилъ онъ Сагебу:

Конечно разбойники обманули возлюбленнаго брата моего, для того по всему пути не находимъ мы о немъ никакова слѣда, и невозможно, чтобъ удалились они далѣе Герата. Можетъ быть оставляю я дражайшаго Гистаспа въ глубинѣ отчаянія позади меня, когда я гонимый лестною надеждою, въ передъ спѣшу.

Я не опорочиваю твоего страха, отвѣчалъ Сагебъ; но чтобы нѣсколько тебя успокоить, вѣдай, что сіи бродящія по слѣдамъ злобы, собираются толпами, состоящими отъ части изъ обывателей Дагхестана и Ширвана, (*) частію жъ Таджикихъ и Хаіарскихъ (**).

Сход-

(*) *Дагхестанъ есть древняя Албанія, Ширванъ имѣетъ гавань на Каспискомъ морѣ, очень часто посѣщаемую Россіанами. Главный въ ней городъ Дербентъ назывался въ древности врата Каспискаго моря,* Calpiae Portae.

(**) *Пустая и каменистая Аравія.*

Сходство суровыхъ ихъ отечествъ производитъ въ нихъ подобную дикость. Сїе соединяетъ ихъ не взирая на дальное разстоянїе: они заключили ненависти достойный союзъ противу прочей части человѣческаго рода. Но хотя они для добычи шатаяся по лучшимъ странамъ Азїи, часто поступаютъ варварски съ тѣми впадающими въ ихъ руки, кои не могутъ удовольствовать ихъ корыстолюбїя, но обѣщанїе своимъ пленникамъ содержатъ вѣрно. Добычу съ земляками своими раздѣляютъ исправно, и посѣщаютъ ихъ въ нѣкоторое время. По сему легко быть можетъ, что они на пути въ Дагестанъ заѣдутъ въ Гератъ, гдѣ они, равно какъ въ каждомъ большемъ городѣ, имѣютъ вѣрныхъ сообщниковъ: ибо они производятъ свой преступный торгъ съ великимъ порядкомъ.

Но какъ смотрятъ законы на таковую мерзость сквозь пальцовъ? вскричалъ Цериръ; можетъ ли то терпѣть добрый и Великїй Логоразвъ? Онъ, коего имяни трепещутъ толь многїе народы, коего престолъ осѣняетъ полсвѣта? За чѣмъ не исторгнетъ онъ мечь мщенїя противу сихъ хищныхъ волковъ, и корыстолюбивыхъ псовъ, предающихъ его государство

вмѣсто охраненія, и кои, влекомые корыстію, живутъ въ сообществѣ съ разбойниками?

Хотя Монархъ свѣта, противу рекъ Сагебъ, безпрестанно міръ обтекаетъ, чтобы обозрѣть цѣлый земный шаръ, и каждый изъ двѣнатцати небесныхъ домовъ занимаетъ, и учреждаетъ въ нихъ содержаніе свѣта въ каждое время года; но есть многіе углы на земли, коихъ оживляющія лучи его не проницаютъ. И какъ можетъ человѣкъ, имѣющій зрѣніе ограниченное, коль бы состояніе его ни возвышалось, вывѣдать съ факеломъ правосудія всѣ мрачные вертепы злости и обмана? Нѣтъ! чемъ больше зрѣніе его должно разширяться, тѣмъ запутаннѣе впадаютъ предметы въ очеса его. И слѣдственно когда онъ проницающими взорами честолюбія каждую точку нашего полушара разобрать тщится: то не видитъ низкаго крота, копающаго подъ ногами его свою мрачную пещеру, и подрывающаго сѣдалище славы его.

О! я понимаю, сказалъ Церирь, счастіе и несчастіе Государей, понимаю оное довольно, какъ утверждается оно на выборѣ мужа, коему ввѣряется сила онаго и охраненіе. Для сего пожедалъ

жалъ я въ палатахъ Локмановыхъ, получить добраго Везиря. Я счелъ бы желаніе сіе исполненнымъ, естьлибъ получилъ Сагеба въ семъ неоцѣненномъ другѣ, естьли взойду когда на назначенный мнѣ отъ родителя престолъ Карецмскій (*). Тогдабъ безопасенъ былъ я, чтобъ дерскіе злодѣи не похищали у подданныхъ моихъ вольности или имѣнія, ниже подлые лицемѣры вводили ихъ въ суевѣріе.

Ты больше меня разумѣешь, отвѣчалъ Сагебъ, нежели заслуживаютъ мои способности. Между тѣмъ, хотя недостойная толпа безпрестанно тщится, вскарабкаться на сіяющую, однакожъ раздѣдающуюся гору высочества, и все въ низу находящееся подавить; но добронамѣренный мужъ не долженъ презирать возвышеннаго званія, естьли и презираетъ оное вѣдая ложность его сіянія и дѣйствительную опасность: ибо, нежелающій жертвовать собственнымъ покоемъ въ пользу человѣческаго общества, не заслуживаетъ отъ онаго защиты.

При всемъ томъ доброта правленія, не токмо въ рукахъ хорошаго Везиря, но

(*) *Карезмъ древняя земля Хоразму, лежащая по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Іесна и Окса.*

но и у презряднѣйшаго Государя не можетъ быть удачна, естьли владѣнія его очень пространны: понеже, когда Монархъ презирается за безпечность свою, въ случаѣ молчанія къ нападеніямъ слабѣйшаго своего сосѣда; то съ другой стороны собственные подданные его дѣлаются возмутительны и неукротимы, буде при частыхъ побѣдахъ не упоитъ ихъ опаснымъ виномъ добрыя удачи.

Счастливъ потому Монархъ, коего области имѣютъ такія тѣсныя предѣлы, что осторожность его не можетъ быть занимаема, охраняючи неизмѣримый удѣлъ земли вмѣсто того, что ввѣрять таковое попеченіе людямъ частнымъ. Счастливъ тотъ, который подобно родителю многочисленныхъ чадъ, около престола своего, подпираемаго любовію и почтеніемъ, себя видитъ.

Какъ въ случаѣ семъ, такъ сказать, подданные его всѣ на глазахъ, то находитъ онъ многообразныя случаи, обнадежить себя ихъ склонностію, и собрать отъ нихъ сокровища истиннаго своего благополучія, не опасаясь, чтобы сіи рудники праведныхъ богатствъ изчерпались когда цѣна ихъ меньше знаема, чтобъ оной можно было завидовать, и

слѣд-

слѣдственно вооружилабъ жадное корыстолюбіе съ мечемъ насилія, или своекорыстный обманъ съ ядомъ предательства.

Таковое желанія достойное состояніе можетъ быть участію твоею, о Царевичь! когда возвладѣешь ты плодоноснымъ, хотя необширнымъ Королевствомъ Карецмомъ, и могу ли я попротивиться, воззрѣть на освященную и возлюбленную главу твою, увѣнчанную толикими благословеніями? Не долженъ ли бы я гордиться доставя тебѣ оныя?

Церирѣ такъ объятъ былъ любви достойнымъ своимъ спутникомъ, что не ощущалъ тяготы пути, и не больше взиралъ въ послѣдства его, какъ опасаясь дня разлученія. Сагебъ помышлялъ о необходимости сего нещастнаго мгновенія съ неменьшимъ неудовольствіемъ, потому что несказанно утѣшался желаніемъ, съ каковымъ сей юный Царевичь внималъ слова наставленія.

Въ сихъ разсужденіяхъ достигли они уже до предѣловъ пустаго Нубѣйдигана, какъ видъ прекрасной долины привлекъ ихъ примѣчаніе. Они спѣшили къ оному обворожающему мѣсту, чтобы наслаждиться при источникѣ свѣжимъ возду-

 хомъ

жомъ вечерьняго вѣтерка; шатры разбиты были между безчисленнаго множества зрѣлыхъ плодовъ и развернувшихся цвѣтовъ, и они сѣли за трапезу радости.

Во время, какъ подобно жемчугу катящееся вино Шираское, разводимо было разговорами премудрости; возмутилъ оное голосъ, повторительно возгласившій: Перизада любитъ Церира.

Царевичь услыша сіи пріятныя слова не ожидаемо, вскочилъ съ своего мѣста, побѣжалъ къ дереву, на которомъ увидѣлъ пригожаго попугая, и старался онаго поймать; но испужанная птица, крича: я иду къ Перизадѣ, перелетала съ дерева на дерево. Цериръ гонялся за нею, и замкнулъ, въ восхищеніи радости и надежды, очи свои отъ опасностей наступающей ночи, и уши къ прозьбѣ своего друга.

Сагебъ слѣдовалъ нѣсколько по стопамъ Царевича, но сей отчасу удалялся отъ него, и позналъ, что ревность лѣтъ зрѣлыхъ не можетъ дѣлать равныхъ шаговъ съ крылатою дерзостію юношества.

На конецъ задохнувшись остался онъ лежащъ на терніяхъ юношества, но безпрестанно надѣясь, что кому либо изъ невольниковъ его лучше удастся; но они

ожи-

ожиданіямЪ его не удовлетворили; темнота обманула ихЪ, и они бродили еще по долинѢ, когда Царевичь давно былЪ ужѐ вЪ пустынѢ.

Между тѢмЪ ЦерирЪ рыскалЪ, какЪ быстрая Антилопа (*), по лѢсамЪ и кустарьникамЪ по пути, ведущему его на голосЪ птицы, и не остановилЪ бѢгЪ свой, пока искушающій его проводникЪ замолкЪ, и чаятельно на вѢтвіяхЪ принялЪ успоконіе.

ВЪ томЪ какЪ нетерпѢливымЪ окомЪ ждалЪ онЪ возвращенія солнечнаго свѢта, тронули слухЪ его слѢдующія слова:

О безразсудный неистовый ТіамасбЪ, могЪ ли ты такЪ меня оставать? МилѢе ли тебѢ браша овладѢвшій швоимЪ правомЪ? - - - - За чѢмЪ не оставилЪ ты лучше Гистаспа вЪ рукахЪ разбойниковЪ - - чѢмЪ предоставить меня мученіямЪ безвремянной смерти, кою навлекаетЪ мнѢ твоя зло употребленная добродѢтель - - - Сіе - - - есть ненавистная, неслыханная лютость.

По сихЪ прерываемыхЪ возглашеніяхЪ слѢдовалЪ глубокій вздохЪ. ЦерирЪ бросился

(*) *Антилопа есть прекрасный звѢрь; тѢло его тонко, попоротливо, и глаза чрезмѢрно велики и черны.*

сился къ мѣсту, откуда происходили сіи печальные звоны, и при свѣтѣ начинающейся зори, увидѣлъ нещастнаго Кобада въ рукахъ двоихъ невольниковъ, безполезно тщащихся унять кровь его.

Великодушное сердце забыло всѣ прежнія оскорбленія; оно растаяло при плачевномъ видѣ, онъ палъ на колена близъ умирающаго Кобада, который возведя на него взоры, сказалъ:

Вижддь, Царевичь, сына прославившагося Калхозру, вмѣсто того, чтобы сидѣлъ онъ на многихъ престолахъ завоеванныхъ своимъ родителемъ, лѣжащаго простерта въ пыли, лишенна всякой человѣческой помощи, опредѣленна испустить духъ въ печальной пустынѣ; прими изъ сего полезное ученіе: что никто не безопасенъ отъ ударовъ непостояннаго счастія - - - Я получилъ сіи раны, желая изхитить Гистаспа изъ рукъ разбойничьихъ, коихъ братъ мой еще преслѣдуетъ - - Изъ благодарности, изъ чести, изъ собственной пользы пожалуй мнѣ приличный гробъ - - - не оставь тѣло мое въ добычу лютымъ звѣрямъ - - - Небо поможетъ тебѣ, естьли и ты будешь въ подобныхъ обстоятельствахъ, получить равную услугу отъ своего непріятеля.

По

По сихЪ невразумительныхЪ словахЪ КобадЪ не говорилЪ больше, и сЪ гнѣвнымЪ и отчаяннымЪ видомЪ испустилЪ дыханіе.

ЦерирЪ посвятилЪ нещастной судьбѣ его чистосердечныя слезы, обратился кЪ его невольникамЪ, далЪ имЪ нѣсколько драгоцѣнностей, приказывая:

Возмите сіе, отверзите тѣло господина вашего вЪ ближній городЪ, и погребите его сЪ честію, приличною его достоинству.

На повелѣніе сіе дрожащіе невольники бросились кЪ ногамЪ ЦерировымЪ, и сказали:

Что сдѣлали мы, и чѣмЪ оскорбили нашего государя, что посылаетЪ онЪ насЪ встрѣчу неминуемой и жестокой казни? Ибо конечно подумаютЪ, что мы умертвили нашего Принца, и лютыми мученіями принудятЪ насЪ истинну, которой не повѣрятЪ, обратить вЪ ложный доносЪ на самихЪ насЪ.

ОтЪ таковаго представленія позадумался ЦерирЪ на нѣсколько минутЪ, размышляя, каковымЪ средствомЪ удовлетворить любви своей кЪ брату, и притомЪ исполнить желаніе Кобада.

КакЪ

Какъ умъ его былъ въ полномъ колебанiи, подобно удержанному теченiю рѣки, увидѣлъ онъ идущихъ къ себѣ двоихъ Сагебовыхъ служителей; онъ спѣшилъ къ нимъ встрѣчу и кричалъ:

Ахъ друзья мои! вы къ спати пришли. Конечно судьба послала васъ въ сiи смятенныя обстоятельства; возвратитесь къ возлюбленному Сагебу, скажите ему, что я прошу прощенiя въ видоподобной неблагодарности и дѣйствительной неразсудности моего поступка; скажите ему, что я умоляю его, принять сихъ невольниковъ въ покровительство, кои оказали послѣднюю услугу двоюродному брату моему Кобаду. Скажи ему, что сей Принцъ убитъ, желая спасти брата моего въ крайнѣйшей опасности, и что я спѣшу по слѣдамъ оныхъ, избавить его, или отмстить.

Выговоривъ слова сiи, вскочилъ на коня Кобадова, и изчезъ изъ виду невольниковъ, кои возложили тѣло на оставшую лошадь, и прибыли къ Сагебу.

Сей преизящный мужъ произведя въ дѣйство прошенiе Церирово, спрашивалъ о дорогѣ, которую онъ избралъ. Но узнавъ, что онъ не далъ себѣ и столько времяни, чтобъ увѣдать отъ невольниковъ куды обратились разбойники, удивлялся-

ся его волненію, оплакивалъ несчастіе грозящее таковому сложенію, дружескимъ сердцемъ, и продолжалъ путь свой.

Цериръ не прежде примѣтилъ проступокъ свой, какъ обезсилѣвъ отъ усталости спросилъ самъ себя, за чѣмъ онъ странствуетъ по пустынѣ? На послѣдокъ усмотрѣлъ онъ въ сторонѣ разсѣянныя хижинки, и направилъ туда путь свой.

Но всевидящая сила, недѣлающая между слабостію и превратностію человѣческой природы различія, направила стопы добраго, хотя поспѣшнаго Царевича прямо въ то мѣсто, гдѣ разбойники дрались съ Гіамасбомъ и Кобадомъ.

Сошедъ съ коня, нашелъ онъ жителей сей малой деревеньки округъ человѣка, который не взирая на жестокія раны свои, не хотѣлъ сдаться, и всѣмъ имъ грозилъ погибелію. Узнавъ, что сей одинъ изъ разбойниковъ, устремился онъ на него, и остріемъ сабли отдѣлилъ прочь дерзкую руку: потомъ приказалъ ему, сказать, гдѣ Гистаспъ. Пѣнящійся разбойникъ отвѣствовалъ: естьли разумѣешь ты въ немъ лживаго Принца Иранскаго, который вмѣсто награжденія насъ, за подаренную ему жизнь, желалъ предать насъ казни; то надѣюсь, что злость его

и власть окончаны; ибо незнакомый, коего неразуміе открыло намъ о его состояніи, довольно по счастію слабъ, отвратитъ кинжалы обнаженные на грудь его.

Церирова ярость отъ словъ сихъ была неизъясненна. Новымъ ударомъ страшнаго своего оружія отдѣлилъ онъ голову его отъ тѣла, но вскорѣ впалъ въ скорбь, и былъ равно какъ бы самъ подъявшій смерть сію; страхъ и отчаяніе изобразились на лицѣ его.

Какъ взоры его сердца всѣхъ зрителей наполнили ужасомъ, одинъ изъ поселянъ говорилъ ему:

Утѣшся, государь мой! и помысли, что словамъ злыхъ вѣрить не должно, а особливо, когда ярость наполняетъ ихъ ядомъ безбожія. Можетъ быть разумнѣе было бы, естьли не огорчать, а польстить разбойника - - - - между тѣмъ не допускай унынія въ духъ твой. Сожалѣніе о нещастіи моего Царевича не было праздно; я приказалъ сыну моему издали слѣдовать за непріятельскою толпою. Естьли угодно тебѣ въ хижинѣ моей принять прохлажденіе, то по возвращеніи онаго лучше увѣдаешь, которую предпріять тебѣ дорогу.

Церир

Церирѣ схватилѣ сію тѣнь надежды, и слѣдовалѣ за поселяниномѣ, котораго сынѣ не продолжительно за тѣмѣ принесѣ извѣстіе, что разбойники продолжаютѣ путь по большой дорогѣ вѣ Дагестанѣ, что Тіамасба принудили остановить погоню, и Гистаспа оставили еще вѣ живыхѣ.

Вѣрные земледѣльцы назвались Церира проводить. Онѣ выбралѣ изѣ нихѣ двадцать молодыхѣ, способнѣйшихѣ употреблять оружіе, и ѣхалѣ сѣ ними вѣ погоню; имѣ слѣдовало за ними пробираться запутанными дорогами вѣ пустыняхѣ.

Нѣсколько времени обнадеживали его слухи, что онѣ прямымѣ за ними слѣдуетѣ путемѣ; но на конецѣ увѣдомился, что они поворотили вѣ Карецмѣ.

Сіе было пріятнѣйшее ему извѣстіе, потому что народѣ Карецмскій былѣ вѣ особливости Монарху своему преданѣ. Онѣ зналѣ, что навѣрно найдетѣ тамѣ каждую руку готовую вѣ помощь, но рядѣ неудачливыхѣ ожиданій, опредѣленныхѣ ему судьбою, не воспріялѣ еще конца. На границахѣ сея пріятныя земли увѣдалѣ онѣ, что осторожные разбойники примѣтили подозрѣніе на себя отѣ Карецмянѣ. Почему раздѣлились на малыя кучки, и прежде, нежели могли имѣ сдѣлать при-

нужденіе, поворотились въ узкія проходы горъ, ведущихъ къ Дагестану.

Церирь не хотѣлъ открыть о себѣ, пока найдетъ своего брата, или совершенно отмститъ за него. Онъ довольствовался только, возвѣщать всюду опасность Царевича Гистаспа, и намѣреніе свое поспѣшить ему въ помощь. Чрезъ оное совокупилъ онъ малое отборное войско, которымъ опустошилъ Дагестанъ, и всѣхъ жителей, имѣвшихъ судьбу ему попасться, порубилъ.

Дикость далеко не есть истинная отважность, то и Дагестанцы не медленно обратили тылъ предъ лицемъ храбрости, коль ни смѣлы были они нападать на безоружную и ничего дурнаго нечающую безопасность. Они убѣжали въ свои крутыя горы, но Церирь туда за ними слѣдуя, и не взирая ихъ займищи, прогналъ оныхъ въ отдаленнѣйшій уголъ Ширвана.

Хотя Сатрапы Карецма и другихъ смѣжныхъ земель Церира не знали; но соединились съ нимъ ко освобожденію Царевича, и радовались тайно, что смѣлость молодаго ироя сняла съ нихъ трудъ толь опаснаго предпріятія.

Между

Между тѣмъ прошелъ цѣлый годъ, и Церирь ни мало не провѣдалъ о Гистаспѣ. Каждый день замѣчалъ онъ дѣяніями, возвышеннаго позорища, нежели жилища разбойниковъ, каковаго достойны быть могутъ. Препятствія ему встрѣчающіяся были, какъ вода на сильный огнь; вмѣсто затушенія жара его отважности, воспламенили они его намѣреніе, истребить обѣ казни достойныя страны, опустошающія Азію, естьли они въ покорности не возвратятъ Гистаспу свободу, и не обяжутся жить въ предѣлахъ общества.

Но какъ предпріятія его не были написаны въ книгѣ судебъ: то превратились оныя нечаяннымъ случаемъ.

Находясь въ горахъ Ширванскихъ, услышалъ онъ, что безчисленное войско Туранцовъ перешло чрезъ Геонъ, и таковымъ нечаяннымъ впаденіемъ, грозило Хоразини совершенною погибелью. Онъ удивился вѣсти сей, ибо по объявленію Сагеба о Афрасіабѣ, думалъ, что неудобенъ оный поступить толь несправедливо, и всего меньше почтеніе онаго къ добродѣтелямъ Логоразва могло дать мѣсто таковымъ помышленіямъ.

Неискусившійся Царевичь не вѣдалъ, коль часто государи чрезъ льстивыя представленія мнимаго оскорбленія впутываются въ неприличныя войны: коль часто частная злоба и любостяжаніе находятъ средства, вознесть къ престолу ихъ гласъ слѣпо волнующейся толпы, и принуждаютъ ихъ, предопредѣлить себя стыду пораженія, или позору неправедно приобрѣтенныхъ выгодъ и дорого купленной побѣды. Между тѣмъ однако Афрасіабъ не подвергся симъ опасностямъ; смерть ввела уже его въ жилище вѣчнаго мира; и Аргіасбъ, преемникъ престола его, не наслѣдовалъ его добродѣтелей. Недоумѣніе Церирово о причинѣ настоящей войны не продолжилось. Сатрапъ Карецмсцій пришелъ въ малочисленное его ополченіе, просилъ покорно скорѣйшаго выслушанія, и получа то, говорилъ:

Великому Логоразву, владѣтелю свѣта, угодно было, вложить сіи освященныя словеса во уста недостойнаго раба своего.

Я имѣлъ двоихъ сыновъ, цвѣтшихъ въ саду надежды, и сладкимъ благоуханіемъ добродѣтелей своихъ прохлаждавшихъ сердце мое, дабы не увяло оное подъ тяжестію времени. Жизнь единаго пресѣчена нещастнымъ образомъ серпомъ

зло-

злобы; и естьли я другаго не найду въ особѣ прославившагося ратника, который борется съ молвою, сокрыть имя свое въ замѣчании вѣчной похвалы: то гдѣ искать мнѣ моего Церира? Но когда предчувствующій мой духъ не обманываетъ меня, поспѣши ты единое оставшееся мнѣ утѣшеніе, о! спѣши, присутствіемъ твоимъ доставить крѣпость ослабленнымъ старостію моимъ нервамъ; спѣши защищить престолъ, который ты вскорѣ заступишь.

Позволь мнѣ противу поставить тебя молодому Ирою, предводящему войски Аргіасбовы. Въ немъ найдешь ты противуборца, тебя достойнаго, который храбростію своею и совершенствами заслужилъ руку Принцессы Туранской, и съ нею право наслѣдства короны.

Я воспріялъ оружіе въ едино мое защищеніе, и справедливость съ стороны моей. Ибо когда великодушный Тіамасбъ на преди неустрашимаго собранія, настигъ мерзкихъ убицъ Гистасповыхъ въ Туранской области, и нѣсколькихъ изъ нихъ наказалъ: то не удовольствовались дозволя прибѣжище подлому ихъ варварству, приняли сей должный поступокъ за

не-

непріязнь невозражаемую, и дали повода древней вкорененной ненависти.

Небо! защити моего возлюбленнаго Церира, и укрѣпи крылы его должности, чтобы онъ благовременно могъ притить въ помощь отцу своему, государю, и своей имперіи.

На сію трогающую и важную рѣчь, преклонилъ Цериръ голову свою до земли, въ знакъ повиновенія и почитанія. Потомъ всталъ въ изступительномъ негодованіи, проклиналъ прежнія свои глупости, стоившія брату его жизни, коего рано времянную кончину заключилъ онъ мстить въ собственномъ преступившемъ сердцѣ, потопя сперва все Королевство Туранское моремъ крови, и воздвигнувъ на мѣстѣ, гдѣ узнаетъ, умерщвленъ Гистаспъ, пирамиду изъ череповъ человѣческихъ.

Ярость его пребыла въ единакой живости чрезъ весь путь до Герата. Едва остановила оную любовь, когда нашелся онъ во объятіяхъ нѣжныхъ родителей своихъ. Облеченные отчаяніемъ очи его уяснились только отраженіемъ блеска оружія, когда прибылъ онъ на поле славы.

Долго оба войска на супротивъ стояли; понеже Туранцы перешедъ Геонъ, окопа-

пались на берегу рѣки сея, и хотя число ихъ было далеко сильнѣе, но дали сіяющему своему оружію впасть въ ржавчину недѣятельности. Но когда Цирировы грозныя копіи соединились съ Хоразанскими, и заслуженые ратники Ирайскіе имя возлюбленнаго Царевича своего промчали по воздуху радостными восклицаніями; тогда пробудились на ложѣ своемъ львы Туранскіе, и казались подобно сему сильному звѣрю, какъ презираетъ онъ слабаго противника, и является изходящимъ только на равныхъ себѣ крѣпостію.

Церирь видитъ приближеніе гнушаемаго непріятеля, храбрость его течетъ подобно бодрому коню. Онъ поставляетъ воинство свое въ устрой ратный, и выступаетъ главою перваго ряда, чтобы вести оный въ желамую опасность.

Въ сіе мгновеніе приближается величественною выступкою Геролдъ Туранскій, и возглашаетъ:

Да не будетъ кровь толь многихъ тысящь цѣною мира, о Иранцы! Нашъ военачальникъ предлагаетъ поединокъ вашему Царевичу. Побѣжденный долженъ съ стороною своею принять законы отъ поборника: утвердимъ договоръ сей присягою.

Я прїемлю вызовъ, отвѣтствуетъ Церирь, и когда вашъ Принцъ желаетъ прежде другихъ вкусить мою ярость, да придетъ онъ немедленно: ибо сосудъ сердца моего исполненъ по самыя края; но хотя я оказываю ему честь, принося его первою Гистаспу жертвою, но клянуся днесь, что не явлю Иранцамъ милости, кромѣ скорой смерти.

Мы не боимся угрозъ таковыхъ, отвѣтствуетъ Герольдъ. Копїе нашего военачальника достаточно охладитъ ярость кипящую въ сердцѣ твоемъ. Онъ сказалъ сїе, и возвратился.

Нетерпѣливый Церирь не долго ждалъ вызваннаго противника. Появляется сей оболченный блестящимъ оружїемъ, на конѣ подобно пламенодышущемъ.

При семъ приличномъ взорѣ Церирь воспламененный равно ревнованїемъ славы, какъ и огнемъ мщенїя, даетъ остроги быстрому коню своему, и обрѣтается уже по среди ратнаго поля близъ онаго, какъ примѣчаетъ, что сей по видимому неустрашимый воинъ являетъ знакъ къ разговору. Онъ вопїетъ съ негодованїемъ:

Слова оружїе женъ, въ настоящемъ случаѣ не могутъ намъ служить оружїя иныя, кромѣ смертныхъ: либо воззови

Ги-

Гистаспа изъ мертвыхъ, и отдай его въ мои объятія, или поди въ общество къ нему, и успкой гнѣвную тѣнь его.

Сказавъ сіе, направляетъ онъ твердое копіе, и стремится на него съ таковою жестокостію, что Туранскій воинъ, открывшій въ то время личникъ щишака своего, едва имѣлъ поспѣшность, подхватить ударъ щитомъ своимъ; но отъ сильнаго потрясенія палъ съ коня распростертый въ пыли.

Въ томъ какъ оба войска наполняютъ воздухъ звонами радости и отчаянія, Церирь бросается поспѣшно съ коня, обнажаетъ саблю, чтобы обезглавить своего противника; но кой взоръ! въ открытомъ лицѣ назначенной жертвы своей, видитъ онъ черты возлюбленнаго Гистаспа.

Онъ сталъ недвижимъ отъ страха, радости и замѣшательства. Гистаспъ отдохнулъ между тѣмъ, и сказалъ съ кроткою улыбкою дружества:

Не дай сраженію чувствъ своихъ побѣдить твой разумъ, любезный братъ. Замѣть, что ты въ сіе прикрое мгновеніе не подалъ мнѣ опыта любви своей. Мое паденіе довольно доказало тебѣ мои расположенія; но твоя дружеская свирѣпость

произведетЪ лучше мои холодно выдуманныя намѣренія вЪ дѣйство. Дозволь благоразумію собрать плоды, приведенныя вЪ созрѣніе покорственною дерзостію. Подай мнѣ руку милости, когда очи примѣчательно со всѣхЪ сторонЪ устремлены на насЪ. Веди меня, яко плѣнника, кЪ моему родителю, который конечно проститЪ мнѣ, что я по видимому возпріялЪ противу его оружіе, когда я у ногЪ его разверну сплѣтеніе добрыхЪ моихЪ намѣреній.

ЦерирЪ послушалЪ сего представленія вЪ безмолвномЪ согласіи, и ГистаспЪ опустя личникЪ шишака, слѣдовалЪ за своимЪ дражайшимЪ побѣдителемЪ.

Иранцы были удалены отЪ мѣста битвы. ЧтобЪ могли разобрать черты лица своего Царевича, они взирали на него за врага, когда проходилЪ онЪ сквозь ихЪ ряды, и не преставали возносить храбрость и великодушіе Церирово.

ЛогоразвЪ сЪ своимЪ старымЪ военачальникомЪ ГудерцомЪ, храбрымЪ ратникомЪ, коего дѣянія наполнили всѣ страны Азіи изумленіемЪ, остался вЪ воинскомЪ станѣ. Сей ГудерцЪ нагбенный достоинствомЪ дряхлости, не былЪ ужѣ вЪ силахЪ поднимать оружіе, но звукЪ

онаго

онаго составлялъ еще сладчайшую ему мусикію. Яко Ирой, возлюбленный другъ своего Монарха, былъ онъ притомъ искуснѣйшій Совѣтникъ Царя праведнаго и миролюбиваго: ибо добродѣтель его содержала и управляла всегда воинскою онаго склонностію.

Церирь, предъидущу ему побѣдоносному восклицанію, едва достигъ въ Царскій шатеръ: простеръ Логоразвъ пріемлющія его объятія, но восхищенный Царевичь, коего тронутая душа не могла умѣрить своего восторга, лишъ узрѣлъ Гистаспа повергшагося предъ возвышеннымъ престоломъ, палъ близъ его на колени, разрѣшилъ поспѣшно шишакъ его, и въ изступленіи долго удерживанной радости бросился ему на шею.

При семъ неожидаемомъ и пронзающемъ видѣ, Логоразвъ едва удержалъ стремленіе природы, которая, казалось, подкрѣпляла Церирову братнюю любовь, но онъ былъ вмѣстѣ съ родителемъ и Царь; онъ нашелъ обрѣтеннаго сына своего въ оружіи противу себя и своего Царства. Правосудіе удержало перевѣсъ въ чадолюбіи желательномъ всегда прощать. Онъ умолкъ, до коль Гистаспъ примѣтя

на

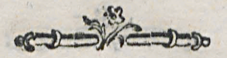
на его омраченномъ челѣ болѣзненное сражение, возвелъ просящія очи свои, и рекъ:

Государь! не осуди меня по одному виду. Я предложу невинность мою не предъ однимъ умолимымъ родителемъ, но и предъ страшнымъ Монархомъ. Повели, чтобы воинство твое не дѣлало противу моего непріятельскихъ движеній, коего главы обязались торжественною клятвою, ожидать судьбы своей изъ устъ твоихъ, естьли не принуждены къ тому будутъ праведнымъ защищеніемъ. И дабы звукъ настоящаго моего имени не пронесся во ушеса ихъ, повѣли окрестъ стоящимъ тебя молчаливость, по коль обьсню я необходимость сея осторожности, и сниму мрачное покрывало, затмѣвающее справедливость моего поступка.

Встань, сынъ мой, отвѣтствовалъ Логоразвъ, отецъ уже оправдалъ тебя, и Царь твой хощетъ съ чувствованіями, должествующими оживлять каждаго судію, имѣть надежду выслушать слова твои, не примѣчая причины къ осужденію.

По семъ войскамъ отданъ испрошенный приказъ, и всякъ кромѣ обоихъ

Царе-

Царевичей и Гудерца, удалился отЪ Царскаго лица. Тогда ГистаспЪ началЪ разсказывать нещастія свои сЪ времяни разлуки своей сЪ ЦерирóмЪ, изобразилЪ ужасЪ свой о возлюбленномЪ братѢ живѣйшими красками, и какЪ нашелЪ его. СагебЪ потóмЪ продолжалЪ повѣсть свою тако:

Надежный знакЪ, коимЪ отвѣтствовалЪ благосклонный незнакомецЪ на прозьбу мою, оживилЪ мою душу. Когда я получилЪ упованіе кЪ сохраненію жизни, коя мнѣ своей была дороже, то на нещастную судьбу свою взиралЪ ужѐ очами постоянства. ОбѣщалЪ сЪ радостнымЪ видомЪ выкупЪ мой разбойникамЪ, котораго чаяли они по внѣшнему моему виду; сказалЪ имЪ, что имѣю многихЪ вѣрющихЪ мнѣ вЪ ГератѢ, и подкрѣпилЪ намѣреніе ихЪ вести меня вЪ сей городЪ. Я обрѣлЪ себя вЪ состояніи, вЪ коемЪ имѣлЪ случай употреблять полный мой разумЪ и силу разсужденія. Каждое случайное зло приноситЪ сЪ собою нѣчто доброе. Невольничество освобождаетЪ духЪ отЪ безспокойныхЪ похотѣній, кои единственно происходятЪ отЪ вольности; оно доставляетЪ умѣренность вЪ нуждахЪ, открываетЪ силамЪ ума нашего поле покоя.

Необычайно рѣдкое поведеніе разбойниковъ былъ первый предметъ привлекшій мое примѣчаніе. Мы ѣхали одними удаленными отъ жилья дорогами, и рѣдко брали отдохновеніе, кромѣ въ дикихъ пещерахъ; между тѣмъ однако находили во всѣхъ мѣстахъ оныхъ толь ужасныхъ по виду, всякія выгоды, каковыхъ желательно. Они отъ союзниковъ своихъ, живущихъ по разнымъ верстепамъ сего намъ незнаемаго пути принимались, какъ ожидаемые родственники, и снабжаемы были до предъидущаго ночлега изобильно всякими потребностьми. Должно ли было намъ переѣжжать рѣку, находили ожидающія насъ плоты, и на пустомъ берегѣ Зеленаго моря (*) корабль, который лишъ мы пріѣхали отплылъ.

Сіи примѣчанія достойныя примѣры добрыхъ дѣйствій порядка, учинили въ мысляхъ моихъ глубокое впечатлѣніе. Коль прекрасно, говорилъ я въ себѣ, должны полезныя и позволенныя распоряженія совершаться, когда они порядочно располжатся, естьли неправедныя предпріятія чрезъ порядокъ такъ чудно совершаются. Должны ли похвалы достойныя пред-

(*) Зеленое море Персидской морской залив.

предпріятія упускать прозорливость и постоянство, когда они почти преступленіе извиняютъ?

Согласіе царствующее между разбойниками, удивляло меня не менѣе. Я приписывалъ то основанію, что въ воззрѣніи ихъ на самихъ себя, двѣ сильныя пружины къ несогласію, честолюбіе и своекорыстіе, не имѣли у нихъ мѣста.

Они исполняли по очереди приказы, добыча шла въ общественную казну, и раздѣлъ происходилъ по самой правдѣ. Словомъ, я начиналъ вѣрить, что и въ благонравныхъ дворахъ хуждшія сего находятся общества.

Рѣдко случается, чтобъ оскорбитель затворилъ свое сердце къ склоннымъ для примиренія взорамъ оскорбленнаго, кромѣ когда тайная злоба или личное чувствованіе къ оскорбленію отводитъ. По сему уяснились мало по малу мрачные взгляды разбойниковъ, когда увидѣли они меня спокойна и безпечальна, даже что жаловались моему безпристрастію о правѣ сильнѣйшей стороны, коего они держатся, и я не могъ отвергнуть нѣкіихъ правдоподобныхъ основаній въ приводимыхъ ими причинахъ, и чаялъ, что сему праву между человѣкъ должно отдать нѣкоторую знатность.

Не

Неприм҃тно становились мои дикіе тираны кротчае. Они облегчили мои оковы, и искали прочую тяжесть оныхъ учинить сноснѣе, всякими дружественными услугами, какія они только выдумать могли; даже что заключили намѣреніе, не только выполненіе моего выкупа въ Гератѣ, возложить на честность мою, но въ надеждѣ на богатыя обѣщанія мои, согласились удержаться отъ разбоевъ, до прибытія нашего туды.

Въ таковомъ добромъ согласіи жили мы, до коль близъ пустыни встрѣтились съ Гіамасбомъ. Сей Принцъ объятъ былъ гнѣвомъ, увидя меня въ таковомъ состояніи. Онъ далъ повода своей не осторожности, и бросился между разбойниковъ, крича имъ:

Безстыдные грабители, освободите на семъ мѣстѣ Царевича Иранскаго, повергните себя къ стопамъ его, и молите о прощеніи, что дерзнули наложить руки на его освященную особу.

Отъ словъ сихъ разбойники остановились. Страшная смѣсь изумленія и гнѣва оказалась въ ихъ взорахъ, которые возвратились къ своей дикости; приводецъ ихъ сказалъ, приближась къ Гіамасбу холодокровно:

Че-

Человѣкъ въ цѣпяхъ не можетъ называться Царевичемъ; ибо съ симъ имянемъ соединено понятіе власти, и титло, котораго утвердить нельзя, нами не уважается: твой называемой Царевичь Иранскій, долженъ за имѣвшую въ мысляхъ своихъ измѣну, возчувствовать справедливый гнѣвъ тѣхъ, кои днесь дѣйствительные его господа. Какъ безразсудность твоя, молодый человѣкъ, по всему виду спасла жизнь нашу, то даримъ мы за то тебѣ твою, въ награжденіе сей услуги, хотя и не то было въ твоихъ мысляхъ. Удались отсюду, и не искушай больше нашей терпѣливости: ибо бѣшенство твое конечно не распространится, чтобы ты съ своими неискусными ратниками и слабымъ числомъ ихъ, дерзнулъ вступить съ нами въ битву.

Рѣчь сію отвѣчалъ великодушный Тіамасбъ своею саблею; и не взирая на прозьбы мои повергся въ довольно не равный бой, изъ котораго нѣсколько разбойниковъ увезли меня.

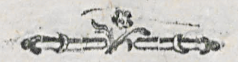
Вскорѣ за тѣмъ догнали насъ прочія ихъ товарищи, хвалясь опустошеніемъ моихъ пріятелей; между тѣмъ въ разсужденіи меня не вознамѣрились, но искали только ускорить ѣздою, бывъ

гонимы Тїамасбомъ, который собралъ всѣхъ земледѣльцовъ.

Потомъ, какъ на послѣдокъ принудили они Принца, оставить погоню, остановились сами, окружили меня, съ обнаженными саблями, подняли вопль укоризнъ за мой обманъ и мнимое вѣроломство въ обѣщанiи; послѣ спрашивали меня, что могу я сказать, въ мое защищенiе? Я отвѣтствовалъ:

Знаю, друзья мои, что скрытность, къ которой принудила меня гордость чина моего, столько меня унижаетъ, что я не заслуживаю вѣроятiя, когда обнадеживаю васъ въ добрыхъ моихъ противу васъ намѣренiяхъ; но за чѣмъ упасть на васъ моему пороку, когда вы такъ милостиво, такъ справедливо со мною поступили? Подумайте, хотя бы гнѣвъ вашъ былъ, толь истиненъ, какъ вы его быть чаете, но не можете вы отнять у меня жизнь, не навлекши на главы свои бури мщенiя, которая весь родъ вашъ истребитъ отъ лица земли. Ратникъ, коего вы ревностную обо мнѣ ярость толь явственно познали, очень скоро впадетъ въ земли ваши съ милiонами подданныхъ отца моего, и распространитъ огнь опустошенiя до самой внутренности

горъ

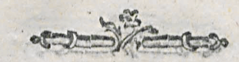
горъ вашихъ. Только я одинъ могу отвратить висящую надъ главами вашими погибель, и тяжесть желѣза имѣющую раздробить васъ, обратить въ золото: подумайте, что не одно дѣйствіе довѣренности, но и необходимость нудитъ васъ положиться на слова мои.

Я примѣтилъ на неспособныхъ къ притворству лицахъ разбойниковъ дѣйствіе словъ моихъ: видѣлъ многихъ презрительно улыбающихся о возвѣщаемой имъ опасности; но въ чертахъ каждаго изобразилась возвращающаяся, хотя недовѣрчивая надежда, когда тронулъ я за струну любезнѣйшей ихъ страсти.

По утишеніи перваго жара ихъ чувствованія, удалились они для тайнаго совѣщанія: изъ продолженія ласковаго ихъ повѣденія опредѣлялъ я, что слѣдствіе будетъ для меня благосклонно. Но подозрѣніе начало опять грызть мое сердце, когда они, по раздѣленіи себя на границахъ Карецмскихъ въ малыя кучки, опять соединились на брегу Геона близъ Королевства Туранскаго.

Тамъ предводитель ихъ говорилъ мнѣ слѣдующее:

Хотя невосходимыя каменныя утѣсы и бездонныя пропасти нашего отече-

ства поставляютЪ насЪ вЪ безопасность отЪ нападеній непріятельскихЪ, слѣдственно и отЪ всякаго страха; однако разсуждали мы о твоихЪ представленіяхЪ. По справедливости заботимся мы, что самая крайняя правота и чистосердечіе человѣка, не можетЪ исполнить обѣщанія отЪ другихЪ зависящаго, и не сумнѣваемся, что друзья твои, не совершатЪ твоего, доколь могутЪ устремляться на нашу погибель.

Для сего привезли мы тебя на среду твоихЪ непримиримыхЪ непріятелей, кои явно возмутились противу Короля своего, за то, что не хотѣлЪ оный нарушить мира сЪ землями твоими. Естьли отдадимЪ мы тебя вЪ ихЪ руки, они цѣлыя царствы едва ли поставятЪ достойною цѣною твоего выкупа, когда напротивЪ мы малою довольны суммою. Здѣсь видишь ты двоихЪ нашихЪ ратниковЪ, кои подвергаютЪ жизнь свою кЪ общему добру, и ожидаютЪ повелѣнія твоего шествовать вЪ ИранЪ. Буде возвратятся они сЪ золотомЪ, котораго мы требовать имѣемЪ право, тогда ты свободенЪ, и мы обнадеживаемЪ, что ты перешедЪ рѣку, можешь возвратиться вЪ области отца твоего. КогдажЪ напро-

тивЪ

тивъ мы въ надеждѣ обманемся, тогда поищемъ мы на счетъ твоей вольности нашего убытка; каково бы слѣдствіе ни было. Жизнь твоя между тѣмъ будетъ порукою за жизнь двоихъ нашихъ благодушныхъ товарищей.

Я принялъ предложеніе сіе желательно, со всѣми соединенными со онымъ условіями и опастостями, и удвоилъ число денегъ просимое разбойниками. Скорое согласіе и щедрость моя, утвердили по прежнему ихъ миръ со мною, и какъ отъѣздъ товарищей ихъ назначенъ былъ на утро при восхожденіи солнечномъ, то приготовились они препровести ночь въ ясномъ удовольствіи возобновившейся довѣренности.

Сіи отмѣнныя бродяги, въ Королевствѣ Туранскомъ не производили никакихъ насильствъ. Они находили тамъ по всюду вольныя пристанища, и не имѣли нужды шествовать проселочными дорогами; по чему на берегу, къ которому мы прибыли, поставленъ былъ пространный шатеръ, и столы полнаго изобилія.

Посреди сихъ хотя деревенскихъ, но сердечныхъ радостей, пришелъ почтенный провождаемый только двумя невольниками старецъ, и просилъ о допускѣ и

гостепріимствѣ. Желаніе его въ тожъ мгновеніе дозволено. Онъ приближался медленными шагами и съ благодарнымъ видомъ; но возведъ взоры на меня отступилъ вспять и вскричалъ.

О небо! необманчивый ли видъ сей! Во истинну ли Царевичь Иранскій скованъ позорными цѣпями?

Слова сіи повергли разбойниковъ въ крайнѣйшее замѣшательство. Какъ они заключили послѣдній договоръ нашъ, исполнить со всякою точностію: то опасались, что таковымъ произшествіемъ принуждены быть могутъ оный нарушить. Они совѣтовали поспѣшно между собою, обратились къ незнакомому, и и сказали:

Естьли бы не удерживало насъ то, чѣмъ должны мы принятому нами гостю, тотъ часъ бы мы тайну нашу вырвали изъ когтей нескромности; но по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ намъ для безопасности нашего узника зберечь и освященное право, которое онъ получилъ равно какъ и ты вкуся съ нами хлѣбъ и соль дружества. По сему вознамѣрься, Туранецъ, добровольно остаться съ нами, пока заплатятъ выкупъ за Гистаспа, и онъ возвратится въ свою землю; ибо, естьли

ты

ты противу сего нашего праведнаго поступка хотя малымъ попротивишся, то разорвемъ мы узы почтенія, и не будемъ виновны въ происходящей тебѣ отъ того смерти.

Коль хвалю я вашу вѣрность, мои храбрые пріятели, съ каковою содержите вы ваше обѣщаніе, отвѣтствовалъ незнакомый; а ты, Царевичь мой, оставь свою похвалы достойную, но не нужную недовѣрчивость: ты можешь положиться на вѣрность бывшаго Сатрапа Карецмскаго, подъ коего кровлею ты родился, и который раннюю надежду твоей много обѣщающей юностію, ввѣренной его надзиранію, толь часто благословлялъ.

Да, возопилъ я, ты мой возлюбленный Ацимъ, мой вторый отецъ: годы разлуки не могли истребить изъ моей памяти впечатленнаго благодарностію въ сердце.

По семъ обнялъ я Ацима нѣжнѣйше, разбойники просили его почтительно возлечь, и участвовать въ ихъ пиршествѣ; между тѣмъ увѣдомилъ я его, какое ихъ было о мнѣ намѣреніе.

Ацимъ принялъ охотно предложеніе, и рекъ: вмѣсто что онъ безпокоился бывъ застиженъ ночью не близко отъ жи-

лица своего, благодаритЪ онЪ щастливому созвѣдію своему, приведшему его вЪ сей шатерЪ; понеже не сумнѣвается, что не позавидуютЪ благополучію его, когда выкупитЪ онЪ возлюбленнаго своего Царевича. Дозвольте потому, продолжалЪ онЪ, моимЪ вѣрнымЪ невольникамЪ сЪ утреннимЪ вѣтромЪ шествовать вЪ садЪ моихЪ сокровищЪ; они вскорѣ принесутЪ сладкое обоняніе богатства, для васЪ, и вольности для Гистаспа. Вы конечно довольны будете, когда я число денегЪ ожидаемыхЪ вами отЪ Царя Иранскаго умножить думаю; и не будетЪ вамЪ нужды, повергать вЪ опасность вашихЪ товарищей, за которыхЪ ручаться Царевича не можете вы принуждать безЪ крайней непристойности. Я имѣю о справедливости вашей вЪ исполненіи договоровЪ толь доброе мнѣніе, что не могу поставить оную вЪ малѣйшее подозрѣніе, и хотя неложное дружество между узника вашего и мною, не есть достаточная порука, но я отвращаю все возраженія, соглашаясь остаться вЪ рукахЪ вашихЪ, по коль привезутЪ выкупныя деньги.

Предложеніе было принято и невольники посланы; они возвратились сЪ верблюдами, обремененными золотомЪ,

мы

мы простились съ разбойниками, получа отъ нихъ торжественное обѣщаніе, не разглашать о имяни въ моей землѣ, въ которой я по долгихъ и трудныхъ странствованіяхъ желалъ по прозбѣ Ацимовой принять отдыхновеніе.

Ацимовъ замокъ стоялъ по среди пріятнаго лѣса, покрывающаго часть Карецма, въ которомъ мы находились. Огромность его зданія, было свидѣтельство о величіи прежняго его хозяина. Великодушный Ацимъ, съ нетерпѣливостію сносящій изліянія моей благодарности, примѣтилъ, что драгоцѣнность строенія и кросота мѣста привлекаютъ мое примѣчаніе, и сказалъ:

Взирай на благодѣянія родителя твоего, кои изліялъ онъ на меня въ то время, котораго обыватели земли сея не могутъ вспомнить безъ воздыханія. Да, Царевичь! сіи днесь печально молчащія лѣса не рѣдко повторяли радостныя восклицанія, ибо великій Логоразвъ часто посѣщалъ ихъ Царскимъ своимъ присутствіемъ. О! еще мнѣ мнится, слышать восклицанія, коими вѣрные Карецмяне привѣтствовали твое рожденіе; еще чаю я зрѣть тѣ слезы, происшекавшія отъ несказанной горести, когда ты по седь-

 мому

мому году взятъ отъ нихъ въ самый сей щастливый день, и что въ то время ради мира, сія часть Карецма соединена къ Королевству Туранскому.

Между тѣмъ добродѣтельный Афрасіабъ, коего жизнь захвачена была лютыми когтями жестокой болѣзни, до днесь еще противупоставилъ твердую ограду разумомъ своимъ и проницаніемъ, для грозныхъ волнъ возмущенія. Онъ защищалъ всегда Карецмянъ отъ злости, возбуждаемой въ Туранцахъ извѣстною ихъ вѣрностію къ прежнимъ и нынѣшнимъ своимъ государямъ; и пріятныя гульбища, кои почасту ты попиралъ резвыми ногами младенческой живости, сбережены еще отъ опустошенія.

Здѣсь пребудешь ты неизвѣстенъ, но незабвенъ; ибо я самъ нѣжныя головки цвѣтовъ твоего дѣтства не узналъ бы въ красотѣ разцвѣтшаго твоего юношества, естьли бы не видалъ тебя послѣ при дворѣ Гератскомъ. Я могу положиться на двухъ невольниковъ, кои уже оказали намъ вѣрности опытъ; и по моему приказанію, пропустятъ они слухъ, что я нашелъ давно пропавшаго сына. Когда ты по сему удостоишь меня имяни Родительскаго, то можешь ты во время

при

принятія отдыхновенія по безпокойствамъ своимъ, имѣть случай разсмотрѣть народъ, познаніе котораго имѣетъ тебѣ въ свое время быть очень нужно.

Я принялъ съ благодарностію Ацимово предложеніе. Онъ по всякій день старался окружать меня новыми забавами, но сіе не нужно было, за тѣмъ что въ мѣстѣ, гдѣ сердце мое пріяло первыя свои ощущенія, было мнѣ все пріятно. Съ восхищеніемъ посѣщалъ я каждое мѣстечко, припоминающее мнѣ происшествіе новаго размышленія, или возстаніе неизвѣстнаго чувствованія отъ моего рожденія.

Особливо нравился мнѣ преимущественно лѣсокъ, въ коемъ держали молодыхъ еленей, бывшихъ первымъ предметомъ моего дѣтскаго пристрастія. Когда Ацимъ въ одинъ день отъѣхалъ въ ближній городъ, я пошелъ въ сей лѣсокъ, и въ прохладной тѣни онаго предался сладкому сну, который по нѣсколькихъ часахъ былъ прерванъ неожидаемымъ и надмѣру пріятнымъ образомъ.

Мнѣ казалось, какъ бы я похищенъ былъ тихимъ вѣтромъ благоухающаго

Котена (*): я искалъ желательно насладиться пріятнымъ запахомъ; кровь моя почувствовала необыкновенную горячность, и я очнулся въ удовольственномъ движеніи, которое обратилось въ настоящее дѣйствіе, когда я увидѣлъ стоящую надъ собой очаровательную красавицу, наклонившую на меня заразительное лице свое. Въ томъ какъ лѣжалъ я безъ словъ и движенія, блистательные взоры сего божественнаго вида повстрѣчались съ моими устремленными на нихъ; но когда я въ восторгѣ отверзъ мои обьятія, и хотѣлъ схватить представляющееся счастіе, изчезла она изъ виду моего, и я остался въ нерѣшимости, прекраснѣйшая ли то изъ дщерей человѣческихъ, или была Пери, сдѣлавшая первое впечатленіе.

Въ семъ смятеніи мыслей моихъ, остался я простертъ на земли; тогда услышалъ я голосъ Ацима, который меня громко кликалъ. Я всталъ, спѣшилъ ему встречу, и вопіялъ:

Ахъ! скажи мнѣ, отецъ мой! скажи скорѣе, могу ли я имѣть надежду владѣть ею, или долженъ обожать ее? Смертная она или существо не естественное. Что

(*) *Котенъ, земля, производящая прелѣстнаго звѣря имѣющаго въ севѣ мскусъ.*

Что хочетъ мнѣ изъяснить тѣмъ мой Царевичь? отвѣтствовалъ Ацимъ печальнымъ видомъ; отъ чего я пришелъ въ стыдъ.

Я объявилъ ему видѣнное; онъ улыбнулся и говорилъ:

Духъ, хранитель сего мѣста, да будетъ похваленъ, за ниспосланіе тебѣ таковыхъ пріятныхъ сновъ, и что дѣлаетъ тебя толь счастливымъ въ мѣстѣ, каковымъ я желаю быть тебѣ наявѣ.

Слова сіи утвердили совершенно во мнѣніи, что небесное существо почтило меня посѣщеніемъ своимъ; мысли мои опять успокоились, и оставили только пріятное воображеніе о преизрядномъ видѣніи. Сіе приписывалъ я равномѣрно чрезъестественной силѣ, ибо примѣръ моего нещастнаго брата довольно научилъ меня, коль трудно любовной страсти сносить ласкательства своея надежды.

Благодарилъ я Ацима за его доброе желаніе, и говорилъ, что по видимому, когда онъ спѣшилъ ко мнѣ, имѣлъ нѣчто важное сообщить мнѣ, почему жалѣю о удержаніи его отъ того глупымъ извѣстіемъ о мечтѣ.

Когда ты разсказывалъ мнѣ, сказалъ онъ, краткое пробужденіе юношественственен-

ственнаго мечтанія, хотѣлъ я увѣдомить тебя, что нашъ добрый Король Афрасіабъ отшелъ отъ продолжительнаго и прискорбнаго сна жизни сея. Братъ его Аргіасбъ возшелъ по немъ на престолъ Туранскій, и чрезъ всенародную повѣстку, приглашаетъ всѣхъ вельможъ государства своего ко двору, дабы старшая дочь его могла избрать изъ нихъ себѣ мужа. Хотя я сей чести не ожидаю ни желаю, но долженъ послѣдовать званію, весьма для меня досадному, естьли я чрезъ то разлучусь съ тобою.

Могу ли я проводить тебя ко двору Туранскому, кромѣ преданія себя опасности быть узнанну? сказалъ я.

Всеконечно, отвѣчалъ Ацимъ, ибо обхожденіе Туранцамъ съ Иранцами давно запрещено отъ ихъ Государей, но болѣе пресѣчено оное взаимною ихъ ненавистію, понеже и запрещеніе то послѣдовало, для отвращенія послѣдствъ оныя.

Можетъ быть я единый подданный въ семъ государствѣ, который въ последнія двѣнадцать лѣтъ перешелъ чрезъ Теонъ, и произошло сіе когда меня Афрасіабъ посылалъ къ Логоразву, для испрошенія въ Везири Морада: за тѣмъ что преизрядства сего великаго мужа по-

вѣдили предразсудки необузданнаго народа, и подобострастіе онаго къ нему продолжалось до самыя его кончины, замкнувшей днесь рядъ славныхъ дней. Ты можешь съ совершенною безопасностію показаться подъ имянемъ моего сына, присутствовать въ собраніи толикихъ честолюбныхъ совмѣстниковъ, и посреди онаго приобрѣсть Государю толь нужное познаніе о человѣческомъ сердцѣ.

Съ радостію пріемлю случай сей, отвѣтствовалъ я, поправить мой разумъ и испытать разные характиры страстей, хотя не ожидаю я, чтобы оныя толь легко, какъ ты думаешь, себя открыли; по елику конечно уже довольно искано благосклонности Принцессиной, чтобъ выборъ по сехъ поръ не былъ опредѣленъ. Но откуду произходитъ сіе особливое право женщинъ?

Какъ произхожденіе онаго, отвѣтствовалъ Ацимъ, возвращаетъ Турланцамъ въ память время разоренія и позора, то законъ, силою коего то установлено, до сего дня нѣкоторымъ образомъ содержится въ тайнѣ: ибо не происходило еще случая, производить оный въ дѣйствіе.

Вѣдай потому, что прародитель (*) твой Каккаусъ достигнувъ старости, въ каковой разумъ кажется скучаетъ долговремяннымъ исполненіемъ своея должности, былъ обманутъ дщерію тьмы. Потрудясь тщетно ввести во искушеніе сына своего, прекраснаго Сіавесха; оклеветала она его въ порочныхъ намѣреніяхъ. Гласъ невинности не въ состояніи былъ побѣдить льстивый вопль Судабы, и слѣпая Каккаусова любовь къ вѣроломной женщинѣ, угасила въ немъ природную склонность къ достойному сыну.

И такъ Царевичъ вѣтромъ оклеветанія былъ изгнанъ отъ двора родительскаго, и съ распростертыми дланьми принятъ Королемъ Туранскимъ, который соединилъ высокій илемъ съ плодоносною виноградинок своего Королевскаго сада.

Свадьба Сіавесха съ Принцессою Фиренки, (**) долженствующею по смерти отца своего заступить престолъ Туранскій, возбудила ревность Туранцовъ, и прои-

---

(*) *Каккаусъ называется отъ нашихъ писателей Дарій Гистаспъ.*

(**) *Принцесса Фиренки есть погречески Мандана. и отецъ ея Афрасіавъ имянуется по ихъ Астіагомъ.*

произвела ненависть къ странѣ, коя стала имъ соперницею. Братъ Королевскій расположеніе сіе употребилъ въ пользу, и убилъ измѣннически Сіавеска; но бодрствіемъ Фиренки не вкусилъ плода, ожидаемаго отъ своего предательства.

Подобно орлицѣ, убѣгающей лютаго Филина, которая просѣкаетъ воздухъ сильно парящими крылами, и ищетъ пріятельствующаго древа, гдѣ бы скрыть ей носимыхъ въ носу своемъ птенцовъ; убѣжала Принцесса, носящая на рукахъ дѣтище свое въ отдаленную страну: оттуду пришла она, съ молодымъ Кайхозру, коего развивающіяся добродѣтели предъобѣщевали ясный день славы полнаго его царствованія, ко двору Иранскому.

Каккаусъ, поздно узнавши невинность Сіавесхову, пролилъ слезы надъ его сыномъ, и возложилъ на него свою корону.

По сему приключенію, кое я обстоятельно разсказалъ тебѣ, обнажилъ Кайхозру мечь мщенія на Туранцовъ, коихъ государство чрезъ многія годы наводнилъ кровію, въ чемъ подкрѣпилъ его сильный левъ храбрости, полководецъ его Рустемъ.

Когда Логоразвъ пожаловалъ ихъ миромъ, помыслили они о причинѣ долговременнаго своего нещастія, и въ охраненіе себя отъ того впредь, установили законъ, силою котораго наслѣдующая Принцесса, должна быть обязана, избрать супруга своего изъ дворянъ отечества, и дабы упредить ея дѣвическій стыдъ, то узаконено, чтобы въ знакъ своего выбору, подала она человѣку сею удостоенному померанецъ, послѣ чего исполняются свадебныя обряды, и Король не можетъ тому противурѣчить.

Зависть, которую возбуждаетъ желаніе Короны въ груди всѣхъ надѣющихся, укрощается воображеніемъ, кое каждый любовникъ о себѣ имѣетъ; естьли бы же напротивъ Король раздавалъ сію выгоду, не такъ бы происходило. Чрезъ то предупреждаются вдругъ отятощенія притить во власть чужестраннаго Государя, или навлечь мщеніе онаго.

Какъ добродѣтельный Афрасіабъ, посвятившій жизнь свою должности Государя, видѣлъ себя бездѣтна, а брата своего отцемъ трехъ дочерей, то повелѣлъ онъ, чтобы Принцессы такъ воспитаны были, чтобъ могли вѣнчать великодушное намѣреніе о благополучіи его подда-

жаніяхЪ; а особливо прилѣжать, о вложеніи вЪ духЪ Кенаін (такЪ называется старшая) всѣхЪ добродѣтелей, дабы можно уповать, неошибки вЪ выборѣ ея. И теперь, заключилЪ АцимЪ смѣючись, нѣтЪ ничего естественнѣе, какЪ желать мнѣ видѣть щастливый померанецЪ поданЪ моему сыну.

Естьли вручительница, сказалЪ я, подобна будетЪ небесной красотѣ, которую я видѣлЪ: сЪ удовольствіемЪ пріиму я подарокЪ сей вЪ теперешнемЪ мнимомЪ моемЪ состояніи; и вЪ настоящемЪ отдамЪ королевство Туранское, дабы безЪ препонЪ наслаждаться моимЪ благополучіемЪ; но какЪ ни одна смертная не достигаетЪ совершенствЪ дщери свѣта, то единственное мое желаніе, быть простымЪ зрителемЪ рѣдкаго обряда, который ты мнѣ описалЪ.

КакЪ приуготовленія кЪ путешествію нашему отняли у насЪ нѣсколько времени, прибыли мы вЪ ЦаминЪ за день только до открытія сего знаменитаго собранія, вЪ кое допущенЪ я подЪ именемЪ Кoресха, сына Ацимова.

Едва были мы установлены по чинамЪ, вошла вЪ палату оную Принцесса вЪ провожденіи Государственныхъ служителей.

Она остановилась посреди блистающаго круга трепещущихЪ своихЪ требователей, подобно возвышенному кипарису между рядовЪ нагнутыхЪ палмЪ.

Хотя закрыта она была покрываломЪ, но прiятность вида сложенiя ея возбудила вЪ сердцѣ моемЪ жестокое движенiе, но когда она бѣгло обозрѣвЪ, подступила ко мнѣ, и подняла свое покрывало, то впалЪ я вЪ таковоежь восхищенiе, кое чувствовалЪ вЪ лѣсахЪ КарецмскихЪ: ибо вЪ ней нашелЪ я тотЪ самый предметЪ моего удивленiя и любви.

Во время какЪ взиралЪ я на Кенаiю сЪ несказаннымЪ восторгомЪ, подала она мнѣ щастливый померанецЪ, сказавЪ:

Здѣсь вижу я множество совершенныхЪ особЪ; но вЪ очахЪ моихЪ ты всѣхЪ ихЪ превозходишь.

Я принялЪ сiю неоцѣненную милостЪ сЪ почтительнымЪ, но много выражающимЪ молчанiемЪ. Мы отведены кЪ Королю, и вЪ присутствiи его на вѣки соединены.

ВЪ часы восхищенiя вопiялЪ я: о ЛокманЪ! сiе много превозходитЪ мои желанiя. Принцесса спрашивала меня о знаменованiи сихЪ словЪ. Я обЪявилЪ ей обѣщанiе премудраго, и обЪяснилЪ о моей

забо-

заботѣ, что я склонностію ея сердца обязанъ чрезъестественному: ибо какія могъ имѣть заслуги Коресхъ незнакомый, чтобъ твой выборъ вдругъ на него обратился.

Я видѣла Кореcха въ палатахъ Ацимовыхъ, отвѣтствовала она съ скромнымъ, но нѣжнымъ взглядомъ, и съ того мгновенія, всѣ благополучіе мое сліялось въ немъ подобно въ средней точкѣ.

Хотя я щастіе сіе безъ труда получилъ, но пробылъ свободенъ, чтобы не заплатить дани собственному всѣмъ человѣкамъ страху.

Аргіасбъ, женскою своею жизнію ослабивши силы своего разума, былъ на престолѣ подобно робкому еленю въ лѣсахъ окруженному ловцами. До коль братъ его противу ставилъ стрѣламъ возмущенія щитъ добродѣтели и великодушія, удалился онъ въ крѣпость роскоши и праздности, въ коей былъ не примѣчаемъ, и нашелъ надежное убѣжище.

Но когда изъ сей мрачной пещеры, достигъ въ другъ къ свѣту вышняго начальства, ослѣпилъ его оный, и онъ при занятой гордости Короля, имѣетъ сердце невольника. Малѣйшій шумъ ропота, кажется ему быть сѣвернымъ вѣтромъ

ромъ опустошенія, и онъ ищетъ благополучіе свое утвердить на слабой подпорѣ народныя любви, понеже не достаетъ ему твердаго основанія бодрости.

Въ таковыхъ расположеніяхъ трепеталъ онъ отъ негодованія произшедшаго свадьбою Принцессы между дворянствомъ его и данниками. Когда они жаловались, что она выбрала себѣ мужа изъ новоприобрѣтенной, и очевидно зло мыслящей земли, будущаго ихъ Короля, то слушалъ онъ ихъ съ поноровкою. И приказалъ намъ на конецъ, удалиться двора, дабы изъявить тѣмъ неудовольствіе свое на Принцессу и меня.

Я принялъ повелѣніе сіе съ радостію, и просилъ себѣ провинцію Карецмъ для пребыванія. Но получилъ въ отвѣтъ, что я жилище себѣ могу тамъ избрать, гдѣ хочу, понеже Государству оное равнодушно; Принцессажъ останется въ назначенномъ ей замкѣ подъ вѣрною стражею, которая имѣетъ примѣчать всѣ слѣды ея.

Между тѣмъ самая сія слабость сей мнѣ стыдъ причинившая, сохранила меня отъ худыхъ слѣдствій; ибо Ацимъ толь громко говорилъ о оказанной мнѣ несправедливости, что Аргіасбъ чаялъ Карецмянъ быть уже во оружіи, и не смѣдъ далѣе

про-

простирать свое оскорбленіе. — по крайней мѣрѣ неявно — Ибо были многіе гнусныя заговоры на жизнь мою, и Ацимово бодрствіе довольно находило труда учинить оныя тщетными.

Сей вѣрный другъ видѣлъ опасности, коимъ я ежедневно предоставленъ, и принуждалъ меня слѣдовать въ Иранъ; но припоминовеніе оставить мою любезную Принцессу было мнѣ несносно; не желалъ же я и родителю моему и отечеству навлечь за себя бичь войны, и для того не сообщалъ въ Гератъ о моихъ обстоятельствахъ.

Въ томъ какъ полагаяся я на провидѣніе, что оное конечно изведетъ меня изъ сѣтей злости, Туранцы стали угрожаемы новымъ и страшнѣйшимъ нещастіемъ. Внутри страны, близъ Цамина, вдругъ появились свирѣпый левъ и страшный Смокъ, (драконъ) (*) первый неутоми-

(*) *Многимъ удивительно покажется, что я поставилъ объясненіе Россійскаго слова Россіанамъ, взявъ прибѣжище къ названію иностранному. Я не могу въ томъ оправдаться, кромѣ почтенія моего, къ красотѣ и полности нашего языка природнаго, имѣющаго избыточествы по всѣмъ названіямъ; и кромѣ презрѣнія достой-*

тимою яростію покрывалъ поля разтерзанными тѣлами; а другій ядовитымъ дыханіемъ своимъ заражалъ плоды земли; оба пригнали сельскихъ жителей въ городъ; а сіи привлекли за собой ужаснѣйшаго непріятеля голодъ.

Въ сей крайней нуждѣ обѣщалъ Артіасбъ обѣихъ своихъ меньшихъ дочерей торжественно тѣмъ, кои убіютъ сихъ лютыхъ звѣрей, и принесутъ ему ихъ кожи. Таковое награжденіе побудило многихъ храбрыхъ людей, но они лишились жизни при таковомъ предпріятіи, и судьба ихъ истребила надежду и смѣлость въ прочихъ.

Всеобщее разореніе возбудило меня изъ сладкаго усыпленія любви, и вдохнуло искру добродѣтели, раздувъ ее лѣжащую

наго пристрастія, которымъ вооружась мои соотчичи, имѣютъ наглость обезображивать свое нарѣчіе, введеніемъ словъ чужеземныхъ. Разумные любители красотъ собственныхъ стараются истреблять сіи вкользнувшія странности; но многаго труда стоитъ уничтожить безпорядокъ утвердившійся отъ времени. И должно уже необходимо брать прибѣжище для выраженія глаголовъ собственныхъ, къ знаменованіямъ чужымъ, дабы писателя Русскаго могли разумѣть его собратія, Слово Смокъ, нѣжнѣе Дракона, но

щую подъ пепломъ праздной жизни. Я укорялъ себя, что не сдѣлалъ еще ничего славы достойнаго; возсталъ съ одра роскоши, и изшелъ утромъ въ провожденіи только двоихъ вѣрныхъ невольниковъ, искать опустошающихъ звѣрей.

Небо благословило предпріятіе мое, защитило мою жизнь, и укрѣпило руку: чешуя Смокова не выстояла противу острія меча моего, и остріе онаго пронзило сердце львово. Два невольника зарыли трупы, и добычу тайно внесли въ замокъ, куды я возвратился, не подавъ ни малаго знака о произшедшемъ Кенаіи и Ацциму.

Тогда отъ меня зависѣло пристыдить Аргіасба и Туранцовъ, когда я во всенародномъ презрѣніи, заслужилъ всенародный подарокъ; но за малость считалъ я торжество сіе, и выдумалъ средство, сдѣлать изъ побѣды моей лучшее употребленіе.

При дворѣ находились два Принца Королевской крови, о коихъ супруга моя, отдавая цѣломудренную похвалу ихъ достоинствамъ, вложила въ меня высокое

 мнѣ-

не моего оно изобрѣтенія. Произхожденіе его толь же древнее у Россіанъ, какъ у Трековъ пеѣ Химеры, въ число коихъ надлежитъ и чудовище сіе; но праотцы на-

мнѣніе. Фирцана и Фируцъ (*) были имена оныхъ, и при томъ знаменованіи заслуживаемыя ихъ дарованіями; ибо Фирцана учреждалъ свои дѣйствія по совершенному разуму, и благородное наклоненіе къ истинной славѣ дѣлало подвиги Фируцовы достойны щастія, коимъ они были водимы.

Какъ я намѣренъ былъ, сложить право моей супруги, коль скоро возвращусь въ Иранъ, дабы оба народа не ввязать въ новую брань; то желалъ обоимъ симъ мужамъ, которыхъ числилъ за достойнѣйшихъ, оставить подкрѣпленіе продолжительнаго мира, и доставить имъ мѣсто ближнее къ престолу, которымъ старый и дряхлый Аргіасбъ не могъ владѣть болѣе.

Въ таковомъ намѣреніи, велѣлъ я позвать къ себѣ Фирцана и Фируца, кои охотно приняли мое приглашеніе, ибо воз-

вы-

ши безъ сумнѣнія занялъ отъ нихъ; (ведя то продолжительныя съ ними войны, то дружественное обхожденіе:] сіе порожденіе силы воображительной, нашлъ ему изъясненіе въ сокровищницѣ своего собственнаго нарѣчія.

(*) Фирцана называется разумный, Фируцъ щасливый.

вышенныя ихъ души презирали непогоду немилости придворной.

Какъ дѣйствіе мое было скрытно, отвелъ я обоихъ Принцовъ въ отдаленнѣйшую часть замка, и вручая имъ кожи льва и Смока, сказалъ:

Возмите сію добычу, требуйте обѣщаннаго награжденія; благополучіе ваше будетъ мое собственное.

При толь неожидаемомъ взорѣ и словахъ, стали Фирцана и Фируцъ недвижимы отъ изумленія, которое напослѣдокъ прешло въ удивленіе и благодарность. Не мало противились они упорно, принять предлагаемую благосклонность, и объяснились, что обнародуютъ храбрость мою и великодушіе, но понуждающія мои прозбы одержали верьхъ надъ ихъ заключеніемъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть желанія мои къ ихъ пользѣ совершенно исполнены.

Вскорѣ по сихъ двухъ свадьбахъ случилось, что Тіамасбъ преслѣдовалъ разбойниковъ въ Туранскихъ областяхъ, и не нашедъ меня у оныхъ, искалъ отмстить мнимую смерть мою.

Хотя не многія жертвы пали подъ его, отъ прежнихъ ранъ ослабленною рукою, но и малая кровь сія достаточна

была,

быяа, привесть въ созрѣніе сѣмя злости, давно ужѐ въ сердцахъ Туранцовъ прозябшее.

Отъ вопля ихъ Аргіасбъ пришелъ въ трепетъ. Готовый бунтъ съ одной стороны, а съ другой воина съ страшнымъ народомъ, были два равно опасныя утеса, на которыхъ поврежденный корабль его бодрствія безъ сумнѣнія долженствовалъ разбиться. Однако утѣшилъ онъ себя мыслями, что приобрѣлъ двѣ оныя храбрыя подпоры, и повелѣлъ войскамъ своимъ быть въ готовности къ выступленію за Геонъ.

Но коль велико учинилось изумленіе его, что Фирцана, которому во первыхъ, равно и Фируцъ, коему за тѣмъ начальство предлагали, въ сей чести отказались, и представляли, что оная одному мнѣ надлежитъ.

Изъясненіе таковое возбудило явный смѣхъ, хотя нѣкія между тѣмъ признавали сіе за сущую трудность. Принцесса, супруга Фируцова, не могла выдержать стыда и поношенія, коимъ облагали ея мужа, укоряла онаго въ неразсудности, что онъ хвалилъ человѣка, и полагалъ въономъ довѣренность, котораго свѣтъ не инако вѣдаетъ, какъ по своенра-

нравію сестры ея, и котораго дѣла столькожъ темны, какъ и произхожденіе.

Фируцъ не могъ снести таковыхъ поносныхъ рѣчей, съ великодушнымъ сердцемъ открылъ онъ прекрасной противуборницѣ славы моей истинну послѣдняго нашего случая.

Тягость таковыя тайны была больше, что нравъ сея Принцессы снести могъ. Языкомъ неразсудливости возложила она то бремя слуху одного повѣреннаго, который открылъ о семъ Королю.

Съ начала Аргіасбъ не хотѣлъ вѣрить сказываемому, но какъ подтверждено оное обоими Принцами, послалъ онъ по меня въ безумной поспѣшности, и принялъ меня съ видомъ толь покорнымъ, изумленнымъ и почти трепетнымъ, что я не могъ удержаться отъ презрительнаго смѣха; но сего неудержаннаго движенія не примѣтилъ онъ, и при повторяемыхъ обниманіяхъ объявилъ меня своимъ полководцемъ.

Я скрылъ ужасъ о семъ неистовомъ возложеніи, и воздигвъ сумнѣніе о несправедливости начинающейся войны, дабы тѣмъ выиграть время, избавиться ненавистной чести, не опороча себя; но Король

роль приказалъ привести двоихъ разбойниковъ, которыя имѣютъ тотъ часъ вничтожить мои возраженія.

Тогда думалъ я, что погибель моя достовѣрна, ибо не сумнѣвался, чтобъ разбойники мнѣ не измѣнили, когда они за таковое открытіе могутъ ожидать несчислимаго награжденія, но имѣютъ и случай отмстить смерть своихъ товарищей.

Между тѣмъ принялъ я постоянный видъ, когда представлены оныя предъ Короля; и какъ Аргіасобъ повелѣлъ имъ оправдаться предо мною въ разсужденіи убивства, коимъ обвиняли ихъ Иранцы, взглянулъ я на нихъ безъ малой перемѣны вида моего. Тотъ, который во время моего невольничества былъ ихъ начальникомъ, принялъ слово, и отвѣчалъ:

Уповаемъ мы, милостивый Государь, что ты повѣришь намъ, естьли мы клянемся всѣми невидимыми силами неба и земли, что мы не устремлялись на жизнь Царевича Гистаспа, понеже, хотя бы мы и въ состояніи были учинить таковое преступленіе, но не имѣли бы никакой отъ того пользы. Сверхъ того утверждаемъ мы клятвенножъ, что во всѣхъ бывшихъ у насъ узникахъ отнюдъ не на-

ходилось, что бы заподлинно несъ сїе именованїе; и хотя по видимому въ разсужденїи нашего промысла не возможно имѣть къ намъ столько вѣроятїя, какъ къ доносителю на насъ Принцу Їамасбу; но безъ сумнѣнїя ты вѣдаешь, сколько мало можно полагаться на видъ одинъ, и ты окажешь справедливость повѣря словамъ нашимъ.

Разбойникъ легко ощущалъ, что я уразумѣлъ намѣренїе хитрой его, однако чистосердечной рѣчи, и не говорилъ больше. Король обратился ко мнѣ, и вскричалъ:

О! сего довольно, доказать справедливость стороны моей. Спѣши, мой возлюбленный сынъ, спѣши и удовольствуй моихъ подданныхъ, желающихъ видѣть отмщенїе учиненной имъ неправды, и щастливое исполненїе да будетъ всегдашнїй спутникъ твоей храбрости. Но прежде удовольствуй сихъ людей за претерпѣнный убытокъ. Ты можешь распоряжать моими сокровищами, и повелѣвать здѣсь, какъ я самъ.

Съ словомъ симъ, на которое я не отвѣтствовалъ, оставилъ онъ меня, и я отшелъ въ великолѣпныя приготовленныя къ принятїю моему палаты, провождаемъ

вели-

великою толпою народа, который по обыкновенію впадалъ изъ одной крайности въ другую, и почиталъ уже меня за духа, хранителя Туранскаго.

Первѣйшее попеченіе мое состояло въ томъ, чтобы поговорить тайно съ разбойниками, и наградить ихъ по надлежащему за ихъ вѣрность; но начальникъ ихъ отвергъ то, говоря, когда мы остались одни, слѣдующее:

Какъ насъ никакія основанія не могли подвигнуть къ нарушенію обѣщанія нашего въ открытіи твоего имени, равномѣрно ничто не можетъ замѣнить на свѣтѣ смертѣ нашихъ родственниковъ и опустошеніе земли нашея. Между тѣмъ, естьли ты помышляешь, что долженъ намъ какою нибудь благодарностію, то спаси бѣдныя остатки домовъ нашихъ и имѣнія. На сей конецъ долженъ ты скорѣе вести Туранскіе войски за Геонъ; чрезъ то отзовется прочь ратникъ, нынѣ Дагестанъ и Ширванъ покрывающій яростію мщенія, чтобы помочь Хоразани; какъ сей не можетъ быть кромѣ твоего брата, то найдешь ты средство, здѣлать съ нимъ переговоръ, и примирить оба войска, или условиться съ нимъ о средствахъ, какъ избѣжать новыхъ твоихъ и опасныхъ пріятелей.

И

И разлучиться на вѣкъ съ моею супругою? сказалъ я.

Нѣтъ, отвѣтствовалъ разбойникъ, ты слабаго Короля, весьма имѣешь въ своей власти, чтобы удобно ему было причинить сію разлуку, она послѣдуетъ за тобою, подъ прикрытіемъ, начальствуемымъ человѣкомъ преданнымъ выгодамъ твоимъ. Когда таковымъ образомъ одно воинство тебѣ повинуется, а другое тебя любитъ, то нельзя не доставать случая, способнаго къ исполненію твоихъ желаній, къ чему и мы предлагаемъ наши вѣрныя услуги.

Я пріемлю оныя, сказалъ я, обнявъ обоихъ разбойниковъ. Вы узкимъ и мрачнымъ ходамъ моихъ мыслей, ясный предложили и выходъ, и сіе не послѣднее въ моихъ обязанностяхъ, которыми я вамъ долженъ, и кои вѣчно будутъ жить въ моей памяти.

Какъ не открывалъ я Принцессѣ моей тайны, не могъ дать видѣть и луча надежды и утѣшенія, которымъ предпріятіе уясняло мое сердце. По чему искалъ сообщить оное только единому моему другу Ацыму. Но сколь удивился я, нашедъ у него незнакомаго, котораго въ Іеменѣ послалъ къ моему возлюбленному Цериру.

Я не помышлялъ о опасности, видѣть новаго свидѣтеля моего настоящаго состоянія, возхищенъ бѣжалъ я въ его объятія, здѣлалъ въ другъ тысячу запросовъ о моемъ любезномъ братѣ, и въ слѣдствіе его извѣстія, не могъ уже сумнѣваться, чтобъ не былъ онъ Ирой тотъ, вступившійся толь ревностно за дѣла мои.

Между онымъ нашелъ я, что Сагебъ и Ацимъ совсѣмъ отвергали совѣтъ данный мнѣ разбойникомъ: они утверждали, что не можно мнѣ изъ бремени затрудненія, въ которомъ я запутанъ, лучше освободиться, какъ ввѣря себя любви Кенаіиной, употребить въ пользу, свободу мною паки полученную, и не продолжительно бѣжать съ нею въ Иранъ.

Примѣръ Фируца, измѣненнаго предъ недавнымъ временемъ Принцессою, не поощрилъ меня слѣдовать, предложенному отъ нихъ возраженію; я распространился доказывая опасность онаго, и прибавилъ, что я сумнѣваюсь очень, не взирая, хотя Кенаія имѣетъ въ себѣ преизящныя свойства, надлежитъ ли молчаливость въ число женскихъ добродѣтелей.

Отъ чего таковое сумнѣніе! сказалъ Сагебъ: не ужъ ли природа здѣлала толь пристрастное въ обоихъ полахъ различіе?

Ибо

Ибо красота по истиннѣ слабости духа замѣнять не можетъ. Нѣтъ, Царевичь, мы одни только отъемлющія большую часть выгодъ нѣжнаго пола, и получая оныя чрезъ воспитаніе: и дабы извинить себя въ таковой несправедливости, то отвергаемъ мы, что сіи нѣжныя розы могутъ получить твердость суровыхъ Амарантовъ, не взирая, что каждый вѣкъ многократныя примѣры являетъ на противъ намъ.

Какъ изъ пріятности Сагебова вида, такъ и изъ рода словъ его, могъ я заключать, что онъ былъ въ любви щастливъ, то смѣялся я о ревности его за прекрасный полъ, но не перемѣнилъ моего намѣренія. Понеже кто единожды здѣлалъ разумное заключеніе, тотъ долженъ не колеблемъ быть къ представленіямъ голосовъ противурѣчущихъ, такъ какъ высокая каменная гора въ морѣ выдерживаетъ удары волнующейся непостоянной стихіи.

Аргіасбъ соглашался на всѣ требованія мои, съ возстающимъ отъ малодушія сердца согласіемъ; вручалъ мою или лучше сказать свою судьбу небесамъ съ таковымъ изліяніемъ сердца, что не оставилъ ни малѣйшаго чувствованія о разлукѣ съ своею дочерью.

Кроткій Сагеб согласился, отсрочить возвращеніе свое въ Іеменъ, и начальствовать отборнымъ и сильнымъ прикрытіемъ, коему я вверилъ мою супругу. Ацимъ набралъ оное изъ Карецмянъ, и следовалъ при томъ самъ, для поданія при случае наставленій; двухъ же разбойниковъ, и двухъ невольниковъ Ацимовыхъ оставилъ я при себе.

Зделавъ таковыя учрежденія, выступилъ я последуемъ двумя стами тысячь ратниковъ, коихъ жадность къ крови ни съ чемъ не льзя было сравнить, какъ только съ почтеніемъ къ ихъ военачальнику за Геонъ.

Я употреблялъ пристрастіе, которымъ они ко мне были объяты, ко удержанію первыхъ движеній ихъ свирепства; и чтобъ дать Цериру время, достигнуть Хоразани, то выдумалъ я на себя болезнь, которая все сердца обезпокоила, и охладила.

Между темъ разбойники испытывали сердца всехъ ратниковъ, и нашли оныя толь отвращены отъ мира, что я переменилъ первое намереніе, и выдумалъ гораздо разумнейшее.

Не успелъ я услышать о разносящемся по Иранскому воинству имяни Цeрировомъ, о-

оставилъ я мои окопы, поставилъ войски въ боевый порядокъ, и здѣлалъ предложеніе вызвать брата моего на поединокъ. Сперьва не хотѣли они на сіе согласиться, не отъ того, чтобъ опасались ввѣрить мнѣ судьбу свою, но по врожденной дикости, кою они столькожъ хотѣли произвести въ дѣйство.

Но понеже Принцы Фирцана и Фируцъ, желали возвратить мнѣ часть славы, которою должны мнѣ были по двумъ прежнимъ моимъ подвигамъ, уговорили они Туранцовъ согласиться на мою волю.

Взявъ съ нихъ присягу, чтобъ они, въ случаѣ естьли я побѣжденъ буду, необнажали мечь мщенія, но ожидали бы опредѣленія своего отъ Царя Иранскаго, возвратился я въ окопы близъ воинскаго стана находившіяся, гдѣ оставилъ я Кенаію, и говорилъ ей тако:

Естьли добродѣтель твоя и любовь равняется моему почтенію и моимъ ожиданіямъ, то судьба можетъ тебѣ въ малыя мгновенія подать случай, оное доказать, и славу твою пренесть въ отдаленнѣйшія части свѣта. Я вызываю на поединокъ Царевича Церира: когда я побѣжденъ буду, употреби въ пользу замѣшательство въ воинствѣ произойтить

имѣющее, и въ препровожденіи Сагеба, ищи своего Кореска у Иранцовъ.

Я повинуюсь тебѣ, въ томъ состояло все, что Принцесса сказать могла; она упала на меня: равно какъ прислоняется къ землѣ нѣжная отрасль, когда сильный ударъ вѣтра колеблетъ слабое ея тѣло; и соединенная съ потоками слезъ горесть ея, конечно вредила бы моему мужеству, естьли бы я не укрѣпился.

Какъ Герольдъ мой былъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ невольниковъ, то принесъ мнѣ отвѣтъ соразмѣрный моимъ намѣреніямъ; онъ умолчалъ о угрозахъ Церира; коего жестокую радость о битвѣ, намѣренъ былъ я упредить открытіемъ, прежде начатка сраженія.

По тому выѣхалъ я на ратное полѣ, въ видѣ непріятеля, но съ сердцемъ подданнаго и сына, имѣющаго намѣреніе, подвергнуть власти своего Монарха гордый народъ, и въ руки родителя предать честь мою.

Да, мой сынъ возлюбленный, вскричалъ Логоразвъ, обнимая нѣжнѣйше Царевича, слава твоя не потерпитъ отъ сего опыта твоея должности и сыновняго благо надѣянія, Туранцы не будутъ имѣть причины жаловаться, что ты предалъ ихъ

во вредъ, и имя Гистаспа и измѣнника не будутъ возглашаемы купно.

Таковое обѣщаніе, о великомочный Царь, сказалъ Гудерцъ, идетъ выше твоей и всякой человѣческой силы. Кто можетъ низложить Гидру злобы, заткнувъ стоглавныя ея зевы, лающія на дѣянія великихъ мужей, коль скоро оныя прожорству ея хотя малѣйшее даютъ побужденіе. Ты Царевича легко можешь оправдать предъ Туранцами, но вѣрность его противу тебя, будетъ возражаема потомствомъ, въ случаѣ естьли ты его отъ очевиднаго преступленія не освободишь чрезвычайнымъ знакомъ почтенія и любви твоей.

Слова премудрости всегда во устахъ твоихъ, о другъ мой, отвѣтствовалъ Логоразвъ; ты управляешь плаваніемъ моимъ къ пристанищу моего благополучія, на которое почасту видалъ ты меня взирающа очами желанія. Я отдаю Гистаспу мою Корону, я поручаю добродѣтелямъ его Царскую власть. Чрезъ то защищаю я его поступокъ, который хотя не вовсе свободенъ отъ неосторожности, но достоинъ награды по доброму намѣренію.

Владѣй, мой сынъ, продолжалъ онъ, владѣй надъ Иранцами, или лучше сказать, да владѣетъ ими въ особѣ твоей правосудіе. Предложи Туранцамъ великодушный миръ, и принудь ихъ, ненавистное имя непріятеля потерять въ названіи своего возлюбленнаго военачальника. Условія договора совсѣмъ для тебя оставляются, ибо съ сего мгновенія начнешь ты повелѣніи во всѣмъ пространствѣ Царства моего, кромѣ надлежащей намъ части въ Карецмѣ, въ которой Церирь покажетъ преизящества сердца своего въ особѣ Короля съ таковою же горячностію, какъ оказывалъ то твоимъ братомъ. Благородное подражаніе истинной славы, да будетъ постояннымъ. Свидѣтельствомъ взаимнаго вашего почтенія, каждое похвалы достойное дѣйствіе сего или другаго, укрѣпитъ ваше несравненное дружелюбіе, и послѣднія дни мои окропитъ росою спокойства и удовольствія.

Когда Царь сіе говорилъ, оба Царевичи не преставали обнимать нѣжнѣише его колѣна, со всѣми знаками несогласенія на предлагаемую имъ отъ него милость; и отрѣкались торжественно; но Логоразвъ примолвилъ.

Какія чада, могутъ отказать престарѣлому своему родителю, понести тяжкое и долго временно носимое имъ бремя? Стрегитесь, чтобы любовь ваша къ отцу своему не обманула васъ, и не явилась недостаточна въ важномъ опытѣ требуемаго отъ васъ повиновенія.

Слова сіи приложили печать должности ко устамъ подобострастія, и онъ возложилъ вѣнецъ свой на главу Гистаспову (*). Въ сіе мгновеніе вошла Кенаія провождаема Сагебомъ, въ шатеръ Царскій.

 Блескъ

(*) Гистаспъ, коего Греки именуютъ дарій сынъ Гистасповъ, былъ Европейцамъ извѣстенъ болѣе отца своего; ибо онъ столицу Царства своего изъ Хорозани перенесъ въ близъ лѣжащую Персію. Онъ тѣмъ прославился, что принялъ ученіе Зороастрово, и подданныхъ своихъ принудилъ послѣдовать примѣру своему; сіе произошло по совѣтамъ Везиря его Гіамаса, человѣка извѣстнаго по замѣшательствамъ, въ которыя запуталъ онъ своего Государя, чрезъ неправильную свою Астрологическую книгу, и чрезъ безумную ревность къ еретичеству, повредившему чистую вѣру Персовъ. Приключенія Гистасповы въ простомъ состояніи, родъ достиженія его на престолъ, разлученіе его съ любезнымъ братомъ его Церировъ, шествіе ихъ предводителями обоихъ войскъ, все сіе въ Персидскихъ Лѣтописяхъ, точно какъ здѣсь повѣствуется.

Блескъ діадимы не коснулся очей Принцессиныхъ; она бросилась во объятія Гистасповы, и видѣла въ немъ только возлюбленнаго супруга своего Кoресха: но восхищенія ея едва ли можно сравнить съ радованіемъ Церира, когда ему судьба возвратила его Сагеба.

Гистаспъ имѣя въ безопасности свою супругу, приступилъ къ переговорамъ съ Туранцами: опредѣлено позвать ихъ начальниковъ; Гудерцъ и Ацимъ получили предложеніе, возвѣстить имъ оное, и преставить себя до возвращенія оныхъ въ залогъ.

Туранцы были вѣрны въ своемъ обѣщаніи; они отвергли предлагаемую безопасность, говоря, что они обязаны принять всѣ приличныя условія, и къ освобожденію своего военачальника подвергнуться и тяжкимъ.

Между тѣмъ Гистаспъ съ Кенаіею возшелъ на престолъ, и сталъ окруженъ всею пышностію и величествомъ; чего Азіатцы не забываютъ и въ походахъ своихъ на брань.

Не можно изобразить изумленія Фирданы, Фируца и прочихъ начальниковъ при семъ неожидаемомъ взорѣ; они почти сумнѣ-

сумнѣвались о дѣйствительности онаго. Тистаспъ смѣялся, и говорилъ:

Да не премѣнятся сердца наши перемѣною моего состоянія. Царь Иранскій еще вашъ Кoресхъ, онъ желаетъ быть онымъ всегда. Аргіасбъ безъ сумнѣнія проститъ мнѣ обманъ, избавившій его отъ погрѣшенія и опасностей неправедныя войны: Тистаспъ заподлинно ввезенъ въ оковахъ въ его области, прежде нежели принялъ онъ особу Корecха, слѣдственно ревность Тіямасбова имѣетъ доброе извиненіе своей неосторожности.

Какъ я доказалъ вамъ, что возвышенный духъ не токмо весьма удаленъ дозволитъ мѣсто подлой ненависти обоихъ нашихъ народовъ, но распростираетъ благодѣянія свои на всѣкъ человѣковъ, то угасимъ на вѣки неистовыя несогласія между Туранцами и Иранцами. Я оставляю всѣ требованія, которыя имѣетъ Кенаія на престолъ Туранскій, и радуюсь щастливою надеждою, что заступитъ оный Принцъ Фирцана.

Договоръ между отца и сына не можетъ быть иной кромѣ размѣна любви; на сей ногѣ дѣлаю я Аргіасбу предложенія, и сохраню оныя ненарушимо, только

ко прошу его, чтобы онъ Карецмянъ, между которыми я родился, и кои заслуживаютъ милость своего Государя, принялъ въ особливое покровительство.

О преизящный Государь! вопіялъ Фирцана, который по исполненіи должностей человѣка въ столь многоразличныхъ состояніяхъ, днесь возвышенъ въ достоинство Царя царей. Желаніе твое продолжительнаго мира между обоихъ ревнующихъ странъ будетъ исполненно, понеже примѣры дѣлаютъ въ сердцахъ людскихъ впечатленіе. Дозволь Фирцанѣ быть посломъ предложенія вѣчнаго дружества, онъ уповаетъ возвратиться съ радостнымъ соглашеніемъ Аргіасба; и естьли его совѣтъ что либо можетъ, то Карецмъ уступленъ будетъ яко приданое твоей Царевы, и должная дань твоему великодушію.

Тогда начальники Туранцовъ угощаемы были съ Царскимъ великолѣпіемъ; Фирцана вступилъ въ краткій путь свой, а войски имѣли между собою дружественное обхожденіе и сожалѣли о дняхъ, кои препровели подъ ненастнымъ небомъ слѣпыя ненависти. Но разумный Тудерцъ въ постоянствѣ новости, поставлялъ недовѣрчивость, по предразсудкамъ древ-

лѣ вкорененныхъ расположенїй, и представлялъ Гистаспу, что часть Карецма, предлагаемая отъ Фирцана, вскорѣ подастъ случай къ нарушенїю толь желаемаго мира, и что Геонъ есть природный предѣлъ между обоихъ Государствъ. Но Гистаспъ не слушалъ его совѣтовъ, онъ желалъ имѣть удовольствїе, видѣть Церира владѣющаго древнимъ пространствомъ сего прекраснаго Королевства; и принялъ помянутый подарокъ, который отъ боязливаго Аргїасба поднесенъ съ торжественными обнадеживанїями любви и благодарности.

Новый Царь Иранскїй оказалъ не меньшее упорство свое къ представленїямъ въ томъ, когда онъ начальнику разбойниковъ ввѣрилъ правленїе надъ Дагестаномъ и и Ширваномъ, не взирая, что должно бы осмотрѣться ему изъ прежняго онаго поведенїя, и по прозбамъ Ацима, который истинно ему совѣтовалъ, что оный можетъ другимъ легчайшимъ средствомъ награжденъ быть.

Логоразвъ поступокъ сына своего въ случаѣ семъ не могъ оправдать, но нехотѣлъ ни въ чемъ препятствовать намѣренїямъ его; онъ оставилъ провидѣнїю путеводство его, и слѣдствїямъ проступковъ

сво-

своихъ исправленіе, и удалился съ супругою своею и Тудерцомъ въ городъ Балкъ, дабы посвятить остатокъ дней своихъ покою и разсужденіямъ.

Сіи были не единыя погрѣшности учиненныя Гистаспомъ въ началѣ его царствованія. Онъ наградилъ Тіамасбову ревность къ себѣ безпредѣльною довѣренностію, не разобравъ, что хотя бы сіе усердіе и чистосердечно было, и способности Принца оправдывали бы таковую довѣренность, но что невсегда благоразумно, славу и покой свой влагать въ руки тайному совмѣстнику своего престола: ибо неограниченный Везирь можетъ сердце, на него полагающееся, пронзить тысячью невидимыхъ острій неблагодарнаго честолюбія.

Когда Гистаспъ учинилъ толь худой выборъ, Церирь остался твердъ, при жребіи положенномъ отъ него на Сагеба, который по повелѣнію премудраго Локмана, принялъ на себя часто отяготительно бывающее, но естьли вѣрно оное пренесется, славно остающееся бремя; и испросилъ себѣ только дозволеніе, съѣздить въ Іеменъ за своими домашними.

Морадъ чувствуя предвѣстія приближающагося конца своего, понуждалъ

Са-

Сагеба ускореніемъ ѣзды его въ Туранъ, понеже въ другѣ своемъ ожидалъ найтить ревностнаго покровителя своей жены и единочаднаго сына. По смерти его пріятная Гулруца, приобыкшая къ тягостямъ болѣе, нежели о нѣжномъ ея полѣ помыслить должно, послѣдовала за Сагебомъ, и какъ желала она Локману, представить сына своего, молодаго Елиха, то въ таковомъ пристойномъ намѣреніи не могъ онъ отказать ей.

Хотя близкая надежда соединенія услаждаетъ горести разлуки; но Церирь не могъ разстаться съ Сагебомъ не чувствуя печали, коя едва ли была менѣе, когда принужденъ онъ былъ проститься съ своимъ братомъ. Съ прискорбнымъ сердцемъ вступилъ онъ въ путь къ Королевству своему, что казалось быть предчувствованіемъ приближающихся къ нему противностей.

Но какъ пылкій духъ не можетъ долго зависѣть отъ унынія, мрачность помышленій его разсѣялась лучемъ въ коренной любви. Первое попеченіе его устремлялось, разослать всюду вѣрныхъ пословъ, для открытія жилища Перизадина; поелику, хотя и возложилъ онъ особливо развѣдованіе сіе на Сагеба, но

въ

вЪ случаѣ семЪ не вѣрилЪ и премудрому Локману.

Естьли продолжительныя часы ожиданія любовнаго могутЪ замѣняться предметами, кои чужды сей неугомонной страсти; то ЦерирЪ нашелЪ бы выгоды сіи на престолѣ, окруженномЪ всемЪ тѣмЪ, что трогаетЪ сердце и увеселяетЪ чувства. ОнЪ принятЪ былЪ отЪ новыхЪ подданныхЪ своихЪ, народа живѣйшаго и благонравнѣйшаго во всей Азіи, сЪ обоженіемЪ, и коего взоры наблюдали предварить его желанія. Земля собственно открывала очамЪ его всѣ прелести природы, увеличенныя прикрасами обворожающаго искуства.

СЪ начала изыскивалЪ онЪ различныя средствы кЪ спокойству, или по меньшей мѣрѣ, кЪ разогнанію скуки, одно за другимЪ, что только ухватить могЪ, и нашелЪ оныя неспособными кЪ ослабленію бури страстей своихЪ, по чему разумно взялЪ прибѣжище кЪ защитѣ нужныхЪ упражненій, и слѣдовалЪ должностямЪ возлагаемымЪ на него его чиномЪ. Но и тутЪ бунтующимЪ вѣтромЪ горячаго своего сложенія, выходилЪ за предѣлы предписываемыя разумомЪ.

Добрыя свойства его и добродѣтели вЪ безмѣрности своей были толикожЪ

вред-

вредны какъ пороки и погрѣшности. Правосудіе его стало лютостію; милость слабостію; щедрота расточеніемъ; и любовь его къ порядку несноснымъ тиранствомъ, такъ что каждое дѣяніе его шествовало въ безпокойствѣ, и провождалось раскаяніемъ.

Посреди таковыхъ противностей, кои онъ ощущалъ разительно, не зная ихъ причины, не преставалъ желать возвращенія Сагебова, котораго присутствіе нужнѣе учинилось ему войною, въ каковую запутанъ сталъ онъ своимъ неистовствомъ.

Малая землица Дилемъ, по берегу Каспійскаго моря лѣжащая, считалась хотя къ провинціямъ Иранскимъ, и платила дань царству сему; но удержала имянованіе Королевства, бывъ владѣема собственнымъ Государемъ. Право сіе пожаловано Дилемлянамъ (*) отъ Феридуна (*), когда спасли они его отъ ярости

(*) *Земля Дилемъ, есть древняя Кадузія.*

(**) *Феридунъ пятый, царь Персидскій, былъ сынъ Гемшидовъ. Онъ послѣдовалъ добродѣтелямъ отца своего, и щастливѣй онаго исторгъ царство у неправеднаго владѣтеля Цохака, коего лютости и страшная кончина подали случай ко многимъ баснословнымъ повѣствованіямъ.*

Цохака, неправеднаго хищника его престола.

Какъ слабость содержитъ себя въ окопахъ покорности, то и Короли Дилемскіе были очень осторожны, дабы не оскорбить сосѣдей своихъ, и часто горестную чашу обидъ вкушали безъ роптанія.

Но какъ насиліе обыкновенно къ враждѣ приводитъ, то и Дилемляне, подкрѣпляемые рукою злобы и мщенія, сбросили личину терпѣливости, и собрали противу Церира войско, а оскорблены отъ него были слѣдующимъ.

Между благородными Карецмяны, коихъ льстило возходящее солнце достоинства Королевскія милости, былъ Нарси наиболѣе освѣщенъ благодѣтельствующими онаго лучами.

Сей юноша, довольно возгордившися ужѐ тѣмъ, что имѣлъ многія дарованія отъ природы и щастія, вскорѣ вздумалъ, что его желаніямъ не возможно быть предѣловъ.

Онъ посланъ былъ Посломъ въ Дилемъ, для прекращенія несогласій, возставшихъ между купечества обоихъ земель; ибо Церирь не токмо имѣлъ попеченіе укрѣпить торговлю съ ревностію достойною премудраго Государя; но и входилъ въ подробно-

ности тѣ, кои во оной поручаются бдѣнію опредѣленныхъ служителей.

Миролюбные Дилемляне не могли отказать согласія на требованія славнаго и страшнаго ратователя. Король ихъ не оставилъ ничего, чемъ бы только доказать почтеніе свое къ Церину; онъ созвалъ на пиръ Королевскій, учрежденный для Посланника не только всѣхъ Вельможъ своихъ, но показалъ приономъ и единородную дочь свою Ситару.

Молодая Принцесса была комета, явленная судьбою напыщеннаго Нарси, котораго необузданный нравъ вмѣсто, чтобъ укротиться разумомъ, слѣдовалъ побужденіямъ одной дерзостной любви.

Онъ отвергъ права̀ гостепріимства и должности своего освященнаго званія, напалъ на увеселительный домъ, гдѣ Принцесса вкушала прелести уединенія, и охраняема была только бозопасностію подобострастною, невиннаго своего народа; и увезъ оную насильно на корабль, стоявши въ готовности къ отплытію въ Карецмъ.

Столько не могъ онъ уповать на милость Церира, чтобъ явиться съ тѣмъ при Дворѣ; но присталъ къ замку, который имѣлъ онъ на берегу Каспійскаго

моря. Братъ Ситаринъ гнался въ слѣдъ за нимъ толь близко, что ночь назначенная имъ къ удовлетворенію порочныя любви, освѣтилась блеклымъ факаломъ ужаснаго позорища мщенія.

Какъ Принцъ Дилемскій сумнѣвался, чтобы можно ему было взять замокъ толь скоро, сколь требовали обстоятельствы, предпочелъ онъ смерть сестры своей ея обезчещенію, и приказалъ воинамъ своимъ бросать зажигательныя вещи на стѣны проклятаго замка, который въ малыя минуты обращенъ въ пепелъ; Принцъ думая, что ни одна душа не убѣгла пламени, возвратился въ Дилемъ.

Между врожденными страстями, коихъ излишествы повергаютъ духъ въ смятеніе, нѣтъ ни единой толь безъуспѣшной въ намѣреніяхъ какъ гнѣвъ; почему и Нарси, подъ благосклонностію замешательствъ нашелъ средство, проскользнуть ряды воиновъ, окружающихъ горящій его замокъ; онъ оставилъ Принцессу подлѣйшимъ образомъ, и отдалясь отъ замка ожидалъ конца сего страшнаго приключенія, не инако, какъ бы оное отнюдь до него не касалось. Когдажъ румяная заря споря съ блескомъ угасающаго пламени, явила ему жалостныя остат-

ки

ки ночнаго нещастія, удаляющихся его непріятелей, и збѣгшихся къ берегу обывателей, оставилъ онъ мѣсто, гдѣ лѣжалъ притаившись, разодралъ свои одежды, и соплелъ горчайшія жалобы и клеветы на измѣну Дилемлянъ, ни мало не включа о себѣ, что принудилъ ихъ къ тому своимъ преступничествомъ.

Онъ спѣшилъ ко двору Карецмскоку, и донесъ Цериру, что король Дилемскій вмѣсто согласія на праведныя его требованія, дѣлалъ покушенія на жизнь его, и гнался за нимъ до зáмка, въ который ушелъ онъ отъ злости сей, и по щастію спасся.

Церирь отъ ложнаго его доноса, коему никто не противурѣчилъ, пришелъ въ жестокій гнѣвъ, и клялся не быть спокойнымъ, поколь за причиненное оскорбленіе Послу его, не истребитъ всѣхъ Дилемлянъ.

Коль скоро услышалъ Король Дилемскій, что Нарси взволновалъ руку правосудія; кинжалъ скорби прошелъ по сердцу его, и страхъ отъ ярости Ц准ировой умножилъ рану. Напослѣдокъ вознамѣрился онъ, послать въ Карецмъ Посольство, для донесенія истинны Государю, славному не менѣе по справедливости своей,

какъ и храбрости. Въ слѣдствіе чего нагрузилъ онъ корабль не токмо обыкновенными подарками, кои у Азіатцовъ въ таковыхъ случаяхъ бываютъ посылаемы, но и всякими рѣдкостями собранными чрезъ предковъ его въ многія годы.

Посолъ его, избранный изъ среды чиновнѣйшихъ и премудрѣйшихъ Вельможъ его Двора, отъѣхалъ съ истинною надеждою, но нашелъ себя очень скоро оною обманута: понеже лишъ только прибылъ къ берегамъ Карецмскимъ, былъ со всѣми послѣдующими своими умерщвленъ, подарки брошены въ море, и корабль сожженъ.

Нарси, коему по нещастію поручено было исполненіе сего бѣдственнаго повелѣнія, подавилъ вопіющій гласъ невинности, побуждалъ къ убійству, и избѣгъ чрезъ то еще достойной казни.

Когда по сему Дилемлянамъ не осталось способа оправдать себя прямымъ путемъ; и какъ всѣ старанія ихъ, доставить настоящее произшествіе слуху Церирову, учинились безплодными: то прибѣгли они къ Сатрапамъ ближайшихъ земель, и просили о посредствѣ, а особливо бывшаго начальника разбойниковъ,

ко-

коего области Дагестанъ и Ширванъ смѣжны были къ Дилему.

Хотя сіи дикіе грабители содержали себя въ предѣлахъ должности, съ тѣхъ поръ какъ Гистаспъ, за опытъ отъ своекорыстія не вовсе свободныя добродѣтели, избыточественно наградилъ милостію, но подлыя сердца ихъ не могли забыть оскорбленія, когда представлялся имъ случай къ отмщенію.

Не смѣли они напасть явно на Церира за то, что хотѣлъ онъ прежде вырвать у нихъ неправедно содержаннаго подъ карауломъ брата своего; ибо братъ сей былъ ихъ Самодержецъ, но вмѣсто чтобъ подкрѣпить Дилемлянъ въ желаніи оныхъ мира, побуждали они ихъ къ войнѣ, и предлагали имъ всякую помощь, если только подкрѣпленіе сіе будетъ закрыто молчаливостію.

Нѣтъ горьчайшаго непріятеля какъ тотъ, коего вопль на время удержанный предразсудками, и вдругъ освободится отъ сего принужденія. Король Дилемскій принялъ съ восхищеніемъ предложеніе разбойниковъ, и учинилъ всѣ пріуготовленія съ таковою поспѣшностію, что впалъ въ Карецмъ съ многочисленнымъ войскомъ, прежде нежели чаяли, чтобъ

 дер-

дерзнулъ онъ самъ нападать, а не оборонятъся.

Церирь пренебрегалъ своего противника, котораго подкрѣпляющихъ источниковъ не вѣдалъ; онъ думалъ, что Дилемляне оставили землю свою пусту, и надѣялся въ одно сраженіе истребить ихъ совершенно. Но вскорѣ къ стыду своему познаяъ, что отчаянная храбрость не толь достаточна противу искусныхъ и порядочныхъ ратниковъ, какъ противъ безправильной толпы ва́рварскихъ грабителей.

Вспыльчивый его нравъ не давалъ мѣ́ста разсужденіямъ, коихъ подпора крѣпче есть рукѝ смѣлаго предводителя многихъ тысящъ; ему несвѣдомы были правилы устроить людей своихъ выгоднымъ образомъ: запальчивостію перваго нападенія ряды его завсегда были срываемы; онъ находилъ себя вдругъ покрыта лаврами неустрашимаго ратника, и стыдомъ несмысленнаго полководца. Такъ потерялъ онъ два сраженія, когда между тѣмъ непріятель въ величайшемъ порядкѣ ворвавшись внутрь королевства, окрестъ себя распространилъ смерть и ужасъ.

Однако вѣрность Карецмянъ не поколебалась, не взирая, что и лучшія намѣре-

ніѧ

нія Государя ихъ, имѣли худыя слѣдствія; но со всѣмъ ихъ попеченіемъ не могли уже они долѣе отвращать гибель земли своей, если не получатъ скорой помощи, и къ тому Церирь не могъ вознамѣриться, искать защиты, противу народа имъ очень презрѣннаго, и который уповалъ изтребить одною своею храбростію.

Наконецъ благодарность побѣдила гордое сердце его; воздыханія почтительныя, кои слышалъ онъ ежедневно, имѣли въ него вліяніе, чего не достигъ бы вопль неудовольствія. Онъ возвѣстилъ брату своему крайности въ которыя дошелъ, и сообщилъ ему обстоятельствы, кои по мнѣнію его справедливость поступка его довольно доказывали.

Въ томъ какъ по сожалѣнію къ подданнымъ своимъ ожидалъ онъ съ полною нетерпѣливостію благосклоннаго отвѣта, и тяжкое бремя худыхъ произшествій несъ съ обыкновеннымъ своимъ постоянствомъ, вдругъ лишенъ сталъ единаго утѣшенія въ нещастіи, помышленія, что онъ не заслужилъ сего.

Незнакомая красавица приближилась къ подножію престола его, и просила тайнаго выслушанія; которое получа говорила:

Престань, о праведный Король, престань любить чудовище, кое насыщаетъ злобу свою рѣками крови, ежедневно проливаемыя: ибо злое дыханіе преступленія его, окружаетъ тебя мрачными своими парами, и собираетъ на помазанную главу твою, страшное изліяніе небеснаго гнѣва.

Я Королевна Дилемская, которую измѣнникъ Нарси похитилъ у родственниковъ изъ земли ея, которыя честь спаслась только полезною жестокостію о ея добродѣтели и добромъ имяни пекущаго брата. Врожденная склонность, силою коея и нещастнѣйшій жизнь свою продолжить ищетъ, избавила меня изъ пламени; переодѣтая невольницею, ушла я непримѣтно моего подлаго гонителя, и моихъ нежалостныхъ родственниковъ. Хижина землёдѣльца, была моимъ прибѣжищемъ, въ которой дни мои зарытыбъ были темнотою, естьлибъ желаніе открыть обманъ добродѣтельному и праведенному владѣтелю, несильнѣе подѣйствовало въ сердце моемъ, жажды мщенія.

Цcase Цирово пораженіе и замѣшательство прибавлялось съ каждымъ словомъ, говоренным Ситарою; напослѣдокъ рука раскаянія была тяжка на его духъ, такъ

что

что палЪ онЪ вспять на КоролевскомЪ престолѣ, и казался быть при послѣднемЪ издыханіи.

Принцесса стояла предЪ нимЪ нѣсколько, трепетавЪ какЪ листЪ древесный, когда чувствуетЪ онЪ первый ударЪ осенняго вѣтра, но какЪ слава, которой она о Церирѣ наслышалась, открыла путь любьви вЪ ея сердце, ободрилась она сею приближиться кЪ Государю, и воззвать его кЪ жизни.

ВзорЪ благодарности была мзда за ея попеченіе: можетЪ прекрасныя ея орошенныя слезами очи, возбудили бы вЪ немЪ нѣжнѣйшія чувствованія, естьли бы волнующіяся возставшія вЪ сердцѣ оскорбленнаго Короля страсти, не уменьшили оныхЪ вліянія.

Замѣшательство и ужасЪ Нарси, когда позванЪ онЪ предЪ Монарха, и нашелЪ тутЪ неопровергаемую просительницу на свое преступленіе, и когда чемЪ не возвратный приговорЪ свой на лицѣ раздраженнаго Государя, описаны быть не могутЪ.

Тщетно искала подлая душа его милости. Ему отсѣчена голова, и вручена Герольду (провозвѣстнику), имѣющему проводить Ситару. КЪ сей сказалЪ ЦерирЪ:

Иди

Иди въ воинскій станъ отца твоего, Королевна! отдай ему сей мерзскій знакъ моего раскаянія; скажи ему, что онъ можетъ требовать всякаго пристойнаго удовлетворенія отъ Короля, который признается въ дурномъ поступкѣ своемъ, который по тому за долгъ считаетъ, искать мира, и охотно отдаетъ все за искупленіе онаго, кромѣ чести и должностей его званія.

Ситара вздохнуха о таковомъ возложеніи, и направила дрожащія стопы къ воинству Дилемлянъ; ибо неохотно оставляла она пріятнаго, и ужѐ много любимаго владѣтеля, какъ и представала предъ взоры подозрѣвающаго и жестокаго родителя.

Страхъ ея былъ не неоснователенъ: Король Дилемскій воспрянулъ при взглядѣ на нее, и выслушавъ рѣчь ея важнымъ лицемъ, возопилъ:

Такъ убѣгла ты пламени, воспаленнаго на тебя честію, что бы побѣдоносное чело мое покрыть срамомъ? Но когда въ повѣствованіи твоемъ есть что либо истинное, для чего не ввѣрила ты мщенія твоимъ родственникамъ, и за чѣмъ приходишь ты отъ моихъ и твоихъ враговъ, просить имъ пощады? Жертва тво-

твоего хищника, коя безъ сумнѣнія спасла жизнь твою, и не токмо лишила тебя чести, но и добродѣтели, столькожъ мало ослѣпяетъ, какъ успокоеваетъ меня. Какъ она пожерта вѣроломному Королю, который привелъ тебя къ сему послѣднему шагу изступительнаго безстыдія, то можетъ онъ тебя и наградить по заслугамъ.

Я не хочу съ нимъ мира, когда онъ не пришелъ самъ просить о томъ, и не принесъ голову твою, естьли содержитъ тебя за достойную казни, или не возвелъ тебя на престолъ съ собою, когда чаетъ быть тебя невинною, и не уступаетъ мнѣ части Государства своего, коею владѣлъ я прежде, яко праведное завоеваніе.

И ты, продолжалъ онъ къ провозвѣстнику, котораго я животъ щажу, да бы отвелъ ты назадъ недостойную женщину, трепещи приближиться вторично въ въ ополченіе мое, естьли не принесешь купно соглашенія на преждесказанныя мною требованія.

Сія чрезмѣрная наглость Церирз бо-болѣе понурила, чѣмъ раздражила. Но сердце его было добро, что бы возмогло оно собственною печалію ожесточить скорьбь другихъ. Онъ поднялъ Ситару

отъ

отъ земли; ибо она повергласъ предъ нимъ, когда провозвѣстникъ пересказывалъ жестокія слова̀ отца ея.

Кроткимъ гласомъ сострѣданія излилъ онъ предъ нею утѣшеніе, обнадеживалъ ее братнею любовію вмѣсто вѣрности, которой не можетъ дать ей, по таковымъ непріязненнымъ требованіямъ, хотя бы сердце его и не было назначено любовію другой. Потóмъ певелѣлъ служителямъ своимъ, оскорбленную Принцессу почитать съ приличнымъ подобострастіемъ, и отшелъ во внутренній покой, гдѣ ожидалъ его посланный, котораго послалъ онъ въ Гератъ, что бы возложить на него новое бремя скорьби.

Онъ нетерпѣливо вскрылъ пріятный листъ своея надежды; но коль ужаснулся, когда нашелъ оный въ мѣсто кистію дружества начертанныхъ выраженій нѣжностей, помраченъ укоризнами, произтекшими изъ пера поношенія въ слѣдующихъ словахъ.

„Гистаспъ, Царь Царей, Королю „Цериру.

Когда война, кою ты одинъ собою, кромѣ моего участвованія началъ противу моего данника, имѣетъ праведныя причины; то въ добромъ послѣдствѣ возложись

на

на волю небесъ и твою храбрость; и стыдись, требовать иныя помощи. Когда же на противъ, какъ носится молводерзость и неразсудность твоя мечь обнажила, то со смиреніемъ воспріимай наказанія, кою заслужили глупости твои и преступленія, во что я не могу замѣшивать невинныхъ моихъ подданныхъ.

Подобный страннику, застиженному нощію, и который въ пещерѣ ищетъ покрова отъ угрозъ ненастливаго неба, сей слышитъ тяжкій полъ надъ главою своею колеблющся, и бѣжитъ по кучамъ опасностей, коихъ уклоняется: равно Цериръ. Лишенный послѣдней надежды своей, повергается онъ съ удвоенною запальчивостію въ среду своихъ враговъ, отъ чего удерживали его, въ началѣ слабость войскъ его и потомъ раскаяніе. Но хотя сама смерть казалась быть на остріи его сабли, и опровергающая съ нимъ купно ряды Дилемлянъ, но обезсилѣлъ онъ многими полученными ранами, и безчувственъ принесенъ назадъ вѣрными своими ратниками; что было для него щастливѣйшее состояніе въ мученіи его мыслей.

Тако торжествовало сожалѣніе и постоянство, кои всѣеваетъ природа въ сердца человѣческія, и кои, естьли неиспор-

чено

чено ихъ основаніе, возрастаетъ въ великодушныя дѣянія, у Карецмянъ надъ всѣми иными чувствованіями. Они не могли быть инако какъ недовольны Королемъ, понурившимъ ихъ на дно бѣдствъ, и землю ихъ пригнавшимъ къ краю погибели: они имѣли столь же многія причины жаловаться, какъ о неразумныхъ его правленіяхъ государствомъ во время мира, такъ и о неосторожныхъ поступкахъ въ войнѣ; но не взирая на то каждый изъ нихъ вознамѣрился, хучше пролить за него послѣднюю каплю крови, чѣмъ дать въ пасть ему въ руки безстыднаго непріятеля.

Безплодно употреблялъ Король Дилемскій, коего мщеніе насытилось драгоцѣнною ихъ кровію, измѣнническія предложенія, къ симъ бѣднымъ, но не преклоняемымъ подданнымъ, о преданіи ему столичнаго города Цамакшара. Не токмо разсыпанныя толпы съ подобострастною ревностію, которая удвояла мужество и крѣпость ихъ, стекались, и соединялись въ твердо укрѣпленномъ семъ городѣ; но и женщины принимали оружіе въ оборону нещастнаго своего Монарха, оставленнаго братомъ своимъ, добычу отчаянія, и почти лишеннаго жизни.

Толь

Толь славный опытъ вѣрности не долго оставался безъ награды. Провидѣніе, въ коего правосудныхъ вѣсахъ проступки Цinformationровы не вмѣнялись намѣреннымъ преступленіямъ, и добродѣтели его подданныхъ имѣли свою важность, послало имъ заступлѣніе сильнѣйшее, нежели воинство.

Сагебъ, задержанный печальными случаями въ пути своемъ, прибылъ напослѣдокъ. Онъ вшелъ въ Цамакшаръ съ стороны Геона, гдѣ онаго не осаждали, и разліялъ новую жизнь въ сердцахъ.

Понеже многіе Карецмяне знали заслуги его, когда видали онаго при дворѣ Афрасіабовомъ: то приняли его такъ, каковымъ образомъ еще ни одинъ главный Везирь не принимался. Но какъ всякому воздано бы было, естьли бы ввѣренный народъ попеченіямъ кого, не боялся напыщенной и своекорыстной власти сего, а взиралъ яко на предводителя ихъ вольности, и благодарилъ только человѣка, который неограниченнаго ихъ Монарха старается и въ малыхъ распространеніяхъ умѣрить совѣтами, а не поощрять къ тому.

Добрый Везирь спѣшилъ въ полату Церирову, ободрить его дружественными своими объятіями, и принять отъ него нужныя объясненія въ настоящихъ рас-

положеніяхъ дѣлъ, но не удалось ему въ намѣреніи.

Соединившееся злое втеченіе горячки и глубокаго унынія толь воспалило кровь опечаленнаго сего Государя, что коснулось оно и его разума. Въ такомъ состояніи нашелъ его Сагебъ, незнающа самаго себя, окруженна сѣтующими рабами, а наипаче въ надзираніи прекрасной Ситары, служащей ему съ осторожностію и нѣжностію невольницы, носящей цѣпи любьви и благодарности.

Жестокъ былъ опытъ для Сагеба, что онъ вѣсть о Церировомъ ума лишеніи не отъ иного, а отъ самаго его принять долженствовалъ: ибо благодарная душа сего далеко возвышалась надъ искусствомъ, кое хотя относится къ лучшимъ Вельможамъ правительства; но во время, когда симъ долженствуетъ принять кормило государства въ крайностяхъ, худое состояніе дѣлъ несказанно возвышаетъ, дабы чрезъ то заслугамъ своимъ, естьли оныя пощастливятъ, придать больше знаменитости, или когда неудачны будутъ, уменьшить стыдъ свой.

Ни честолюбіе, ни высокое воображеніе о самомъ себѣ, не имѣли вліянія въ Сагеба при возпріятіи имъ его чина. Онъ при-

призвалЪ вЪ совѣтЪ только должности свои противу человѣкЪ, склонность свою кЪ Цериру, и вообще повиновеніе свое кЪ Локману. Удивительно ли же было, что онЪ при толь чистыхЪ побудительныхЪ основаніяхЪ уклонился отЪ пути обыкновеннаго своекорыстнымЪ МинистрамЪ, извиняя погрѣшности своего Короля, возвышая добрыя его свойства, и ища уговорить КарецмянЪ, что праведная печаль ихЪ о Цирирѣ есть причиною, что не примѣтили они многихЪ источниковЪ спасенія, имЪ еще оставшихся, и кои онЪ самЪ имЪ покажетЪ, и употребить потщится.

СЪ таковою же кротостію, и сЪ таковымЪ же безсвоекорыстнымЪ намѣреніемЪ, пощадилЪ онЪ имЪ малодушное заключеніе о запертіи себя вЪ стѣнахЪ Цамакшара, и дѣйствовать только оборонительно. ОнЪ доказалЪ имЪ при томЪ нужность, прогнать Короля Дилемскаго прежде, доколь не окружилЪ онЪ городЪ, и лишилЪ ихЪ чрезЪ то всякихЪ привозовЪ и помощи, и предложилЪ, что бы послать молодаго Елиха по окрестностямЪ Карецма для собранія новаго войска.

КакЪ СагебЪ не достигЪ еще лѣтЪ, вЪ которыя зрѣлость духа оставляется си-

лами тѣла, и не подобенъ былъ тѣмъ, кои въ совѣтахъ разполагаютъ начертаніе опасностей, не могши себя во оныя вдавать: то собралъ онъ кучку храбрыхъ мужей, и въ ночь оную изъ воротъ, стоящихъ противу непріятельскаго стана, учинилъ вылазку, и привелъ оныхъ тѣмъ удобнѣе въ замѣшательство, что они возгордясь прежнимъ щастіемъ, въ безопасности покоились.

Подъ шумомъ битвы и благопріятствованіемъ ночной тьмы, переправился Елихъ за рѣку. Какъ имя отца его Морада, равно и имя Сагеба содержано было въ мѣстахъ оныхъ въ великомъ почтеніи; то вперилъ онъ не токмо въ много претерпѣвшихъ отъ войны Карецмянъ новую храбрость, но побудилъ и многихъ Туранцовъ, принять участіе въ брани, въ которой могутъ они сражаться подъ приводствомъ толь возвышеннаго военачальника.

Между тѣмъ Везирь частыми выласками и смѣлыми нападеніями, принудилъ Короля Дилемскаго отступить, и совсѣмъ очистилъ берегà Геона отъ непріятельскаго оружія; по чему дружественные рашники могли безпрепятственно пристать въ томъ мѣстѣ, коимъ не задолго владѣлъ непріятель.

Тогда

Тогда птица надежды разпростерла золотыя крылья свои надъ Карецмяны, желающими ревностно опустошителямъ земли своей дать рѣшительную битву; но Сагебъ хотя видѣлъ надобность, не допустить остыть ихъ жару, но приуготовленія къ сему бѣдственному сраженію начиналъ съ великимъ отвращеніемъ.

Невѣденіе, что взялся онъ за неправедную сторону, было угнѣтающее сердце его; ибо хотя обвинялъ онъ первое Церирово заблужденіе, но считалъ, что гнѣвъ Короля Дилемскаго престалъ быть справедливъ съ мгновенія, въ кое не удовольствовался онъ казнью виновнаго, и ожесточился къ пролитію невинной крови, не взирая на предлагаемыя всякія ему удовлѣтворенія. Но преизящный Везирь былъ не того звѣрскаго рода Министровъ, кои на жизнь народа меньше взираютъ, чѣмъ на деревцы въ увеселительныхъ садахъ, кои подрубаютъ для открытія малѣйшаго вида вдаль.

Онъ считалъ, что краткіе годы, которые человѣкъ прожить можетъ, и безъ того по часту расточаются, неминуемыми и иногда тщетными заботами, и потому не простительно искать еще оныхъ сокращенія, кромѣ случая праведнаго

наго защищенія, и вЪ намѣреніи доставить покой себѣ, который толь нуженЪ, естьли желаетЪ, чтобЪ драгоцѣнное время казалось выгоднѣйшимЪ.

Сіе вЪ самомЪ дѣлѣ было основаніемЪ, имѣвшимЪ на него вЪ тогдашнихЪ обстоятельствахЪ втеченіе; кЪ тому же слѣдовало и еще важнѣйшее. ОнЪ по ввѣренному ему званію считалЪ себя обязаннымЪ исправить несправедливости, КарецмянамЪ отЪ Церира причиненныя; когда онЪ тогдажЪ желалЪ, чтобы Государь сей вкушалЪ благополучія, кои тщился онЪ доставить толь вѣрному народу, и отЪ добрыхЪ слѣдствій его дѣяній пожать славу, но не могЪ того предвидѣть вЪ настоящемЪ, жалости достойномЪ расположеніи, не чувствуя скорби, помрачающей его ревность, и умножающей замѣшательство, сродное нраву, наполненному всеобщимЪ благожеланіемЪ, когда должностію и нуждою принуждается оскорблять каждаго.

Между тѣмЪ сіе усердное его желаніе, за день предЪ назначенною битвою, не осталось безЪ награжденія, милостію заслуживаемою отЪ силы сердца испытающей, и коя веселится о намѣреніяхЪ непред-

предкновенныхъ презрѣннымъ металломъ своекорыстія.

Въ добрый часъ присутствія разума познал Церир своего друга, и съ того мгновенія престала смерть плавать надъ главою его. Разумъ его воспріялъ свое господство, и боролся съ потокомъ радости, пролiявшимся въ сладкомъ слезномъ токѣ по оживленнымъ его ланитамъ.

Трогающее раскаяніе его о произшедшемъ поступкѣ, ужасъ о слѣдствіяхъ отъ онаго, утвердили Сагеба въ добромъ мнѣніи, кое имѣлъ о его сердцѣ, и въ надеждѣ достичь добродѣтельнаго намѣренія, видѣть добраго Короля оправданна на престолѣ.

Съ таковымъ пріятнымъ предчувствіемъ изшелъ Везирь на непріятеля, гораздо въ числѣ своемъ сильнѣйшаго. Но какъ воинство его устроено было разумомъ, и приводимо мужествомъ, то слѣдовала побѣда, спутница сихъ соединенныхъ добродѣтелей, — по слѣдамъ его, и увѣнчала чело его лаврами славы.

Коль ни сильно было съ обѣихъ сторонъ первое нападеніе; но Дилемляне скоро приведены въ безпорядокъ, Принцъ ихъ взятъ въ плѣнъ, и разсѣянныя вой-

ски жизнію своею обязаны были только милосердію Сагебову, который запретилъ ихъ преслѣдовать.

Сіе злощастіе низвергло Короля Дилемскаго съ вершины высокопарныя гордости въ пропасть слабодушія. Охотно бы за свободу сына своего, и безпрепятственное возвращеніе въ землю свою, согласился онъ на всѣ условія. Но какъ онъ великодушіе Церирово назвалъ именемъ низскія робости, и въ поруганіе ему войну продолжилъ, то опасался и для себя таковой же судьбы.

Онъ взялъ прибѣжище къ притворству, помощи ползающихъ душъ, и казался долгое время о противностяхъ своихъ быть безпечальнымъ; но не выходилъ изъ своихъ укрѣпленій. Напослѣдокъ послалъ онъ провозвѣстника въ Карецмскій лагерь, и просилъ съ довольною холодностію переговора для примиренія.

Прозорливый Везиръ проникъ сей льстивый поступокъ, и не сумнѣвался о намѣреніяхъ, кои тотъ скрыть хотѣлъ. Но какъ былъ въ мысляхъ, несправедливость, подавшую къ войнѣ причину, исправить похвальнымъ миромъ, принялъ онъ предложеніе.

Це-

Церирѣ, коего здоровье опять возстановилось, и который возвращеніе спокойства духа своего ожидалѣ отѣ приключенія, долженствующаго освободить его отѣ раскаянія, выѣхалѣ верьхомѣ для сокращенія скучныхѣ часовѣ, вѣ день назначенный кѣ переговорамѣ Короля Дилемскаго сѣ Сагебомѣ, прогуляться по пріятнымѣ лугамѣ и лѣскамѣ около Цамайшара, такѣ что ни одинѣ изѣ служителей его онаго не примѣтилѣ.

На немѣ не было знаковѣ его достоинства, кромѣ вооружающей его сабли. Углубленный вѣ размышленія заѣхалѣ онѣ далѣе, нежели чаялѣ. Но возбужденѣ отѣ онаго голосомѣ птицы, которая его нѣкогда разлучила сѣ Сагебомѣ. Едва проникли во уши его слова: Перизада любитѣ Церира, то бросился онѣ сѣ прежнею быстростію кѣ мѣсту, откуду слышалѣ пріятный звукѣ, и нашелѣ малое сіе нескромное животное вѣ рукахѣ купцовѣ, употребившихѣ перемиріе, кѣ продолженію пути своего.

Сѣ начала просилѣ онѣ ихѣ довольно вѣжливо, продать ему птицу сію, продолжалѣ нѣсколько времени уговаривать ихѣ кѣ тому, и давалѣ ужасную цѣну. Но какѣ они не только отказали ему пре-

 зри-

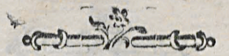
зрительно, но и прочь оттолкнули: то горячее сложеніе его прорвало оплотъ слабый разсудка. Онъ извлекъ саблю, и покушался получить силою, къ чему уговорить не могъ.

Купцы вострепетали отъ его ярости, подобно ластовицамъ дрожащимъ при видѣ копца, и устремились въ бѣгство. Церирь гнѣвъ ихъ, неосторожно заскакалъ въ ряды Дилемлянъ, безпрестанно крича: Стойте, подлые трусы, продайте мнѣ птицу, или оспорьте мнѣ мужественно особу, которой она надлежитъ.

Караульные услышавъ таковую рѣдкую ссору, почли то за ухищренный противу ихъ обманъ, здѣлали тревогу, по чему въ мгновеніе Цериръ и купцы окружены, обезоружены, и окованы цѣпями.

Между тѣмъ Сагебъ заключилъ миръ съ Королемъ Дилемскимъ, который не могъ скрыть изумленія своего о полученіи неожидаемо выгодныхъ условій; ибо хотя добрый мужъ испытуетъ сердце злаго по опытамъ, но сей никогда не откроетъ источника благородныхъ и добродѣтельныхъ дѣяній.

Король Дилемскій нашелся на верьху своея радости, свѣдавъ о добычѣ своихъ ка-

караульныхЪ; и какЪ хотѣлЪ онЪ принять видЪ великодушія, то приказалЪ привесть предЪ себя плѣнниковЪ, и сказалЪ Везирю:

Нѣкоторые люди твои нарушили тишину оружія, и пойманы вЪ томЪ моими войсками; но чтобы подать тебѣ свидѣтельство, что вЪ сердцѣ моемЪ не осталось сѣмени злобы, хочу я дать имЪ воспользоваться незаслуженнымЪ благодѣяніемЪ, и выдать тебѣ оныхЪ прежде общаго размѣна плѣнныхЪ.

СагебЪ, коему жизнь каждаго человѣка не была равнодушна, принялЪ дарЪ сей сЪ благодареніемЪ. Но коль ужаснулся онЪ, увидя между плѣнными Короля своего.

По щастію для Церира Дилемляне не видывали его инако, какЪ вЪ переди войскЪ сражающагося. Сему обстоятельству одолженЪ былЪ онЪ своею цѣлостію; но болѣе разуму и присутствію духа Везиря своего, который не смутясь говорилЪ сЪ КоролемЪ ДилемскимЪ.

Сіи люди равно и я, очень обязаны твоему великодушію за милостивый твой поступокЪ, вЪ беззаконномЪ ихЪ поведеніи. ПотомЪ обратясь кЪ нимЪ, продолжалЪ сЪ холодною суровостію:

Ко-

Когда Король былЪ толь щедрЪ, пожаловать вамЪ свободу, то идите, учитесь разумнѣе вести себя, и спѣшите скрыть заслуженный стыдЪ.

ЦерирЪ опасностію своею возбудился отЪ сна любви, и усмотрѣлЪ безумство свое. ВЪ безмолвномЪ замѣшательствѣ удивлялся онЪ премудрости Сагеба. ОнЪ разумѣлЪ смыслЪ послѣднихЪ словЪ его, и подЪ видомЪ скрыть стыдЪ, покрылЪ онЪ лице свое, проходя сквозь толпу служителей ВезирскихЪ, кои безЪ сумнѣнія узнавЪ бы его, не удержались отЪ знаковЪ ужаса и удивленія. ОнЪ поспѣшилЪ на конѣ своемЪ возвратиться вЪ ЦамакшарЪ; но не оставилЪ примѣнить путь, которымЪ слѣдовали купцы, и первое дѣло его было, послать за ними, и велѣть привести предЪ себя.

СагебЪ, котораго безпокойство умножилось здѣланнымЪ себѣ принужденіемЪ, спѣшилЪ неменьше уклониться отЪ исполненныхЪ ужè дѣяній. Хотя дотолѣ считалЪ онЪ лютостію, осыпать Церира укореніями во время, когда надлежало утѣшать его, но вознамѣрился ужè нещадить его болѣе.

ОнЪ приближился сЪ строгими взорами обезпокоеннаго дружества и оскорбленнаго

наго разума; но немало замѣшался, нашедъ его лобзающа бѣдственную птицу, и слыша отъ него слѣдующія слова:

Не нарушай восхищенія души, мало пріобыкшей къ разуму. Я знаю все, что ты мнѣ сказать можешь; но утверждаю, что то, чего достигъ я моею дерзостію, стоитъ десяти таковыхъ королевствъ, которое ты храбростію своею и разумомъ спасъ отъ погибели. Вмѣсто распространенія о опасности, въ кою впалъ я, и пользахъ, кои получилъ бы Король Дилемскій, узнавъ мою особу, помоги мнѣ, другъ мой, помоги благодарить милостиваго духа хранителя, управлявшаго стопами моими, и разогнавшаго мглу, скрывавшую путь къ моему благополучію.

Перизада, божественная Перизада, есть Принцесса Цаблестанская, дочь славнаго Рустема (*). Съ благоденствіемъ буду я обладать ея прелестьми, и славою учинить союзъ съ славнѣйшимъ Ироемъ,

(*) *Рустемъ былъ Полководецъ Каяхозру или Кира, и очень славный ратникъ. Сей Ирой владѣлъ въ Дагестанѣ, или Дрангіанѣ по Гречески, и въ Цаблестанѣ, по нихъ Арахозіи. Онъ и предки его жалованы сими землями отъ Царей Иранскихъ, коимъ служили съ наслѣдною роду своему храбростію.*

емъ, каковыхъ только производила Азія. Дай мнѣ по тому скорѣе подписать заключенный договоръ. Твоей премудрости оставляю я заботы онаго произведенія въ дѣйство; а самъ лечу на крылахъ желанія въ отечество моей возлюбленныя.

Какъ искусный кормчій уступаетъ, и дѣлаетъ объѣзды, когда прямый ходъ корабля не можетъ выдержать противнаго вѣтра, ни покорить волнъ пѣнящагося моря, и тѣмъ не только избѣгаетъ кораблекрушенія, но вскорѣ впадаетъ на истинный путь. Равномѣрно Сагебъ. Онъ не возпротивился явно восторгамъ Церира, но и не оправдалъ оныхъ, а съ покорностію представилъ ему надобность, возставить миръ и благополучіе своего народа, прежде предложенія Перизадѣ своего престола, и явиться предъ ратника, который при томъ былъ добрый судія истинныя славы.

Рѣдко не достигаетъ успѣха средство принуждать страсти брать участіе въ дѣйствіяхъ разума. Церирь покорился; онъ приступилъ къ правиламъ Сагебовымъ съ искусствомъ и ревностію приличными его характеру, и намѣренію предъ очами находящемуся.

Са-

Сагебъ въ переговорахъ своихъ съ Королемъ Дилемскимъ, не забылъ о пользахъ нещастной Ситары, и получилъ обнадеженія милостиваго принятія. Но Принцесса сія отъ брата своего со времени его плѣна видѣла толь презрительное обхожденіе, и вѣдая довольно неукротимый нравъ отца своего, заключила лучше скрыться.

Король Дилемскій ни мало не печалился о судьбѣ ея. Онъ оставилъ Карецмъ, ни единожды не припомянувъ ея имени, и какъ совѣты разбойниковъ, ужѐ трепещущихъ разума Сагебова, такъ и необходимость, принудили его взять на всегда покорную, хотя весьма малодушную умѣренность.

Добрый Везирь досель изъ должностей званія своего исполнялъ только тѣ, кои мало приличествуютъ къ благодѣтельному сердцу его. Возлюбленныя добродѣтели онаго были только растущія на земли мира; и онъ съ великимъ удовольствіемъ учинилъ расположеніе, сіи выполнять.

Первый предметъ привлекшій его примѣчаніе, были нещастныя жертвы брани, которымъ онъ немедленно искалъ помочь. Раненые, вдовы, сироты про-

спи-

стирали къ нему молящія длани, и дѣлали сіе не безплодно. Какъ Королевская казна была изчерпана, доставлялъ онъ имъ нужности изъ собственнаго имѣнія, и примѣромъ своимъ получилъ вспоможеніе отъ жестокосерднѣйшихъ стражей богатства.

Таковымъ же средствомъ учинился онъ въ состояніи, наградить Туранцовъ за ихъ помощь, и удовлетворить особливыя несправедливости, къ коимъ подали поползновеніе Цerировы погрѣшности. Тотчасъ возстановилъ онъ равновѣсіе вѣсовъ правосудія, и слѣпая и неистовая страсть не возлагалась уже въ чаши ихъ противу заслугъ и достоинствъ. Онъ покровительствовалъ торги, оживилъ всенародную довѣренность, устроилъ нравы, и поощрилъ земледѣліе — и такъ опустошенная земля въ краткое время получила новый и цвѣтущій видъ.

Все добро сіе совершалось не токмо отъ имени Церирова; но Везирь весьма тщился укрыть свое въ томъ участвованіе, столькожъ какъ другіе Министры ищутъ выставить себя на позорище благодарности. Онъ удаленъ былъ разлучать славу Короля отъ благоденствія народа; но старался обыкновенный союзъ онаго укрѣ-

укрѣпить крѣпчайшими цѣпями, какія только великодушіе и безкорыствованіе его изобрѣсти могли.

Но хотя искренное и благодарное сердце Цририрово приносило небесамъ ежедневную жертву, за низпосланіе таковаго неоцѣненнаго друга; но не доставало ему инаго благодѣянія. Онъ не могъ подавить воздыханія любви нетерпѣливыя.

Сагебъ считалъ жребій свой щастливымъ, что должно ему только поправлять жестокую, но похвальную страсть въ своемъ Государѣ, а не противиться неистовствамъ и порокамъ тирана, и сказалъ на конецъ Церbegin Цериру:

Какъ можетъ сынъ Великаго Логоразва, братъ Царя Иранскаго, въ разсужденіи природы своей толь знаменитый Государь, унизить достоинства свои, и подобно простому человѣку вступить въ исканіе, требующее всей пышности благородныя гордости. Въ чинѣ его таковые низкіе, шаги не могутъ извиниться ни страстьми, ни добродѣтелію.

Когда праводушіе преклонило тебя, толь неожидаемымъ и покорнымъ образомъ, просить о мирѣ Короля Дилемскаго; то поступокъ твой въ етомъ случаѣ несвободенъ отъ осужденія, не взирая, что

въ подданномъ твоемъ заслуживалъ бы оный великую похвалу. Что будутъ говорить о непристойномъ дѣйствіи, влагаемомъ въ тебя только любовію? Не прилично принятое уклоненіе суетствуетъ въ успѣхѣ, и возбуждаетъ презрѣніе вмѣсто почтенія. Проливается ли величественное море искать рѣкъ, обыкшихъ въ заливахъ его искать прибѣжища?

Такъ отправимъ тотчасъ посла въ Џаблестанъ, вскричалъ Џериръ. Первое возходящее солнце должно его освѣтить на пути моихъ желаній. Вели въ послѣдующихъ за нимъ и подаркахъ, выразить о великости любви моей. Дай ему полную власть, доставить щастіе мое, на какихъ бы ни было условіяхъ. Когда Принцъ Џалџеръ, какъ слышно, имѣетъ безпредѣльную власть надъ духомъ Рустемовымъ, и честолюбіе свое похочетъ удовольствовать отъ брака сестры своей, пусть обѣщаютъ ему половину моего Королевства. Часть Карецма, которую онъ ни выберетъ, равна будетъ жребію старшаго брата его. Я на часть мою буду владѣть всѣмъ свѣтомъ въ Перизадѣ.

Такъ желаешь ты возлюбленную корысть сердца твоего, ввѣрить инымъ рукамъ кромѣ дружескихъ?

Какъ!

Какъ! возопилъ Цериръ, великодушіе твое хочетъ сей драгій камень благополучія пріобщить къ чести пріобрѣтеннаго мнѣ тобою государства? Дерзну ли я предложеніе, восхищающее душу мою, принять съ опасностію, повергнуться въ пропасть, изъ которой ты меня извлекъ? Буду ли я въ состояніи выдержать двойное нападеніе моей нетерпѣливости, дожидаясь прибытія друга моего и любезныя?

Довѣренность твоя къ усердію моему, отвѣчалъ Сагебъ, подастъ крылья часамъ твоего ожиданія, и разумъ твой безъ сумнѣнія удержитъ въ правилахъ, которыя установили мы къ благоденствію твоихъ подданныхъ. Отдай мнѣ птицу Перизадину, дабы я поспѣшилъ исполнить твои желанія.

Могу ли я разлучиться съ милымъ животнымъ, кричалъ Цериръ, которое мнѣ вмѣсто повѣреннаго и утѣшителя? Можешь ли ты требовать и имѣть чувствительное сердце?

Ты довольно вѣдаешь, говорилъ Сагебъ, что любовь не безъизвѣстна моему сердцу; но я не имѣлъ ничего въ страсти моей, чтобъ дорого мнѣ было къ удовольствованію милаго предмета. Есть-

ли правда, что разсказывали купцы, то Перизада во многихъ областяхъ Азіи обнародовала: кто принесетъ къ ней пропадшую любимую ея птицу, имѣетъ право требовать отъ ней милости въ награжденіи, кое только можетъ дозволить честь ея. Легко по сему можешь опредѣлить, какъ благодарна она будетъ тебѣ за сію болѣзненную тебѣ жертву, и коль изрядно приметъ посла твоего.

Церирь воздохнулъ при словѣ семъ, и вручилъ ему птицу, которую Сагебъ просилъ по особливымъ причинамъ.

Везирь вѣдалъ, что Церирь не видалъ въ лицо Перизаду, и любовь его основывалась только на мечтательныхъ представленіяхъ, коихъ неудача могла имѣть слѣдствій, которымъ воспрепятствовать считалъ за свою должность.

Разумъ его изобрѣлъ ужѐ къ тому средство, и онъ частію по сему основанію, отъ части же и за тѣмъ искалъ сего посольства, чтобъ не вывесть на позоръ неистовыхъ страстей Короля своего, и быть обманутъ отъ коварнаго и своекорыстнаго каковаго нибудь Вельможи.

Какъ блескъ послѣдующихъ за нимъ доказывалъ чрезмѣрность любви Церирова

ровой, и подавалъ случай любопытно изслѣдовать слѣды его, то оставилъ онъ спутниковъ своихъ въ уединенной деревенькѣ на границахъ Цаблестанскихъ, и явился ко двору Рустемову простымъ человѣкомъ.

Въ видѣ семъ получилъ онъ допускъ въ кабинетъ Принцессы Перизады, вручилъ ей птицу, и сказалъ:

Принцесса, которыя имя почитаемо въ отдаленнѣйшихъ странахъ Азіи, прости воображенію раба твоего, и приклони къ прошенію его милостивый слухъ. Я ожидаю отъ твоего безпредѣльнаго великодушія въ награду моего предпріятаго длиннаго и скучнаго пути платы, не землею или моремъ производимыя. У меня нѣтъ недостатка ни въ золотѣ, ни въ алмазахъ и дорогихъ камняхъ. Желаніе сердца моего клонится къ тому, чтобъ удивиться и восхвалить совершеннѣйшее твореніе небесъ, и на сей конецъ посмотрѣть, съ полностію духа соединенную красоту, коею ты, какъ мнѣ извѣстно, обладаешь.

Отъ сей рѣдкой прозьбы остановилась на нѣсколько Перизада въ недвижимомъ и безмолвномъ замѣшательствѣ. На послѣдокъ разсматривала благородный и

скромный видЪ, и разумныя слова вЪ Сагебѣ, и вЪ тожЪ время необходимость исполнить обѣщаніе; по чему снявЪ покрывало свое, сказала:

Я обязана, почтенный незнакомецЪ исполнить твое желаніе, хотя не уповаю удовольствовать твое ожиданіе. Награди стыдЪ мой моленіемЪ кЪ той власти, которыя ты желалЪ видѣть чаемое искусство, чтобы духЪ мой украшенЪ былЪ толикими добродѣтелями, сколько нужно кЪ моему совершенству.

Я молю, покланяюсь сей всесильной власти, возопилЪ СагебЪ сЪ восторгомЪ, который вся его премудрость едва удерживала. ЦерирЪ, возлюбленный мой ЦерирЪ, можетЪ будетЪ щастливЪ.

Сіи неожидаемыя слова распространили на чистыхЪ лилейныхЪ щекахЪ ПеризадиныхЪ свѣжія розы. СЪ лазурнаго неба очей ея испустила душа ея лучи, подобныя сіянію солнца вЪ весеннее утро. Ея коральныя, отЪ изумленія вЪ полЪ открытыя, и тихимЪ вздохомЪ опять замкнутыя уста, скрыли блестящій жемчугЪ моря Голкондскаго, и ея, подобная слоновой кости рука, приведа облако стыдливости, окружающее все сокровище небесныхЪ прелестей ея вЪ порядокЪ.

СЪ

Съ смѣшеніемъ радости и прискорбія разсматривалъ Сагебъ движенія, кои онъ произвелъ, и искалъ съ открытностію се́рдца духа возвышеннаго извлечь ея изъ замѣшательства. На сей конецъ объявилъ онъ ей побудительныя причины поступка своего, Церирову любовь, и возложенную на него Королемъ довѣренность.

Перизада тронута была разумомъ Везиря. Притворство, которое большею частію въ полѣ ея почитается за добродѣтель, считала она презрительнымъ. Она призналась въ склонности своей къ Цериру, совѣтовала Сагебу, появиться въ настоящемъ своемъ достоинствѣ, и прибавила смѣючись.

Ты благонадежно можешь вѣрить, что я не запрусь въ томъ, что моя нескромная птица открыла свѣту, и какъ сей неподозрительный наперстникъ, проболтался въ тайности мыслей моихъ: я постараюсь искать дать вамъ подтвержденіе требуемое добродѣтелью.

Сердце Сагебово наполнилось чистою радостію, которая объемлетъ жилище радости, когда приводитъ во оное нить мудрости и чести. Не медля слѣдовалъ

онъ къ оставленнымъ своимъ, и возвратился со оными ко двору Рустемову.

Вѣдая, что Принцъ Цалверъ въ отсутствіи, и предвидя надобность привесть переговоры къ концу, доколь нечувствительное честолюбіе не положило препятствія, обратилъ онъ дарованіе краснорѣчія толь успѣшно, и отъ Принцессы толь хорошо подкрѣпленъ, что вскорѣ соглашенось на его требованіе, и оставилъ онъ Цаблестанъ съ неоцѣненнымъ сокровищемъ, коего искалъ, пославъ напередъ гонца къ Цериру, дабы пріуготовить мятущуюся его душу къ часу его щастія.

Цернровы восхищенія при сей благополучной вѣдомости доказали, что прозорливость его Везиря при ономъ случаѣ толь же разумно, какъ и впрочемъ дѣйствовала; ибо приличное постоянство въ пылкомъ, но благородномъ сердцѣ можетъ скорѣе потрясено быть радостію, чѣмъ скорбію.

Однако восторги Церира были очень сильны, чтобъ могли быть продолжительны. Онымъ послѣдовала нѣжная скорьбь, и въ томъ какъ подданные его о приближающемся щастіи торжествовали всенародныя празднества, онъ въ сладкомъ

уеди-

уединеніи любви считалЪ минуты, оное промедлить могущія. СонЪ свою мирную надЪ нимЪ силу уступилЪ безпокойствамЪ очаровательныя надежды, и пламенные его воздыханія нагрѣвали хладный воздухЪ нощи.

ВЪ одинЪ прекрасный вечерЪ остался онЪ долѣе обыкновеннаго вЪ бесѣдкѣ пріятнаго своего сада, и слушалЪ со вниманіемЪ страстные пѣсни соловья; вдругЪ проникли слухЪ его звоны лютны, управляемой толь искусною рукою, что оная вящше возбудила его согласныхЪ перѣменЪ голоса музыкальной птицы. Водимый движеніями сердца своего, приближился онЪ непримѣтно кЪ мѣсту, откуду происходилЪ очаровательный звукЪ, и нашелЪ ея у воротЪ близЪ лѣжащаго саду, который отЪ неосторожныхЪ невольниковЪ кЪ нещастію оставленЪ не запертЪ.

Осторожными шагами любопытства приближился онЪ кЪ бесѣдкѣ, которыя отверстіе приносило пріятный вечерній воздухЪ дѣвицѣ, вкушающей удовольствіе прохладительнаго купанія и прелестей Мусикіи.

Хотя особа, играющая на лютнѣ, была величественная и пріятная женщи-

на; но ЦерирЪ не примѣчалЪ ее, ниже тронутЪ былЪ сладостною ея игрою. Очаровательный видЪ, не совершенно притѣнившійся прозрачною водою, привлекЪ всю душу его вЪ взоры его. ВЪ сравненіи молодости и красоты не можно уподобить ее лучше какЪ сЪ розовымЪ цвѣткамЪ, разверстымЪ утреннею росою.

КакЪ родЪ того удивленія, кое предшествуетЪ любви, удержалЪ Церирову неукротимость; то взиралЪ онЪ вЪ восхитительной тишинѣ на новое солнце своихЪ желаній, восходящее изЪ жидкой стихіи, вЪ непомраченномЪ своемЪ и славномЪ одѣяніи естественнаго блистанія, и услышалЪ гласЪ истинныя пріятности, желающій нѣсколько взять отдыхновенія, вЪ коемЪ намѣрился онЪ ей попрепятствовать.

Надзирательницы молодой Нимфы едва поудалились, и возлѣгла она на зеленой постелѣ, казавшейся быть стеблями прекрасныхЪ цвѣтовЪ, вошелЪ туды влюбленный Король. КакЪ любовь влiяла ему разсудокЪ, онЪ палЪ смиренно на колѣна предЪ прелестною хищницею непостоянныхЪ своихЪ склонностей, и ко упрежденію первыхЪ движеній робости, открылЪ ей имя свое и восхищеніе, и немало

мало былъ тронутъ, когда отвѣтствовано ему слѣдующимъ восклицанiемъ.

О небо! ужъ ли толико я щастлива видѣть любви достойнаго Короля Карецмскаго, Государя, весьма любимаго родителемъ моимъ? Могу ли я щедрыя лучи очей его привлекать къ себѣ, прежде нежели стекутся оныя, яко въ средней точкѣ, въ щастливой Принцессѣ Перизадѣ, или мечта только обманываетъ легковерную Цулику?

Отъ сихъ изреченныхъ непритворною невинностiю словъ, пришелъ Церирѣ въ расположенiе, отказаться отъ Перизады устами, такъ какъ учинилъ то сердцемъ; но игравшая на лютнѣ женщина опять вошла туды, и съ огорченнымъ взглядомъ спрашивала о причинѣ толь неслыханнаго и непристойнаго нападенiя.

Но знаешь ли ты, дерзская баба, кому говоришь это? вскричалъ разгнѣванный Церирѣ.

Я желала бы не знать, отвѣтствовала она; ибо Гулруцъ всегда должна считать въ число нещастныхъ ея дней тотъ, въ который дружество Сагебово толь подло измѣнено, и видитъ дочь сего достой-

стойнаго мужа поруганну Государемъ, толико ему обязаннымъ.

При наименованіи Тулруцы, которую по ея великодушному нраву содержалъ въ великомъ почтеніи, объятъ былъ Церйръ подобострастіемъ, и желалъ доказать невинность своихъ намѣреній; но Тулруца, прервавъ его, сказаза:

Ни время, ни мѣсто не приличествуютъ для сего изъясненія. Удались отсюду, Государь! почти кровлю твоего лучшаго, твоего единственнаго друга; почти самъ себя, и то, чѣмъ долженъ ты въ особѣ своей свѣту, и не принуждай женщину, научать тебя твоей должности, и въ томъ, можетъ быть далѣе распространится, нежели ея собственная позволяетъ.

Сказавъ сіе, кликнула она невольницъ, ожидающихъ ея повелѣній, приказала отвести Цулику къ ея матери, удалилась сама, и оставила Церира добычею сражающихся страстей любви, гнѣва и стыда.

Въ семъ умодвиженіи возвратился онъ во дворецъ свой, гдѣ тотчасъ нашелъ различіе между пріятною прелестію желаній позволенныхъ, и колючимъ терніемъ раскаянія, плодовъ любви запре-

прещенныя. Но хотя честь, пристойность и кротость, укоряли въ непостоянствѣ се́рдца его, и припоминали о правѣ торжественнаго обрученія его съ Перизадою; но вскорѣ приведены въ молчаніе сильнѣйшимъ гласомъ воскипѣнія любовнаго. Сіе принудило его страстьми окованный разумъ, показать силу свою въ заключеніяхъ ложныхъ. Какъ? говорилъ онъ самъ въ себѣ, долженъ ли я стремиться къ состоянію совершенства, кое выше моей возможности? Душевное существо можетъ такъ любить, какъ я любилъ Перизаду; но тѣлесное должно любить, какъ я люблю Цулику. Когда первое строеніе красоты на разумѣ учреждать въ состояніи, какъ учинилъ то я дерзостнымъ образомъ, такъ послѣднее рано или поздно докажетъ, что чувства, надеждн̂ѣйшіе путеводители слабыя его природы. По сему разрываю я узы, кои связалъ тонкій и неправильно приведенный помыслъ. Я совершу обязательство, къ которому влекутъ меня склонности, лучше сообразныя моей слабости, и можетъ соразмѣрныя моей обязанности; когда возвышу я Цулику на престолъ, освобожу я себя отъ обязанностей противу отца ея, не предоставляя опасности моего щастія.

На

На таковое низкое и ложное заключеніе не взирая, не могЪ ЦерирЪ совсѣмЪ изгонять стыда поступка своего противу Перизады. ОнЪ страшился уже прибытія ея столькожЪ какЪ желалЪ; ибо довольно вѣдалЪ, что обычаи Азіатцов считаютЪ за позорЪ неудовлѣтворимый, естьли отказать невестѣ, кою видѣлЪ вЪ лице.

Но затрудненіе сіе остановило его только на нѣсколькія мгновенія. ОнЪ писалЪ кЪ Сагебу, выдумать какія нибудь причины, для коихЪ бы отвести Перизаду обратно кЪ родителю ея, и заключилЪ указЪ свой вЪ строгихЪ подтвержденіяхЪ, не обЪясня побудительныхЪ причинЪ кЪ тому.

ПотомЪ послалЪ кЪ нему услужливѣйшаго изЪ своихЪ придворныхЪ, сказавЪ:

Естьли ты поставляешь надежду вЪ милости моей, то спѣши на крылахЪ честолюбія, и возпрепятствуй симЪ повелѣніемЪ возвращенію ненавистному Везиря моего.

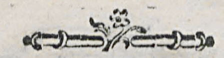
Рабская мысль бываетЪ склонна кЪ заблужденіямЪ и чаяніямЪ. ЛьстецЪ своего Государя имѣетЪ тысячи зыбкихЪ предусмотреній, на которыя попеременно устремляетЪ глаза свои, не увѣря

себя

себя различностію безуспѣшныхъ ожиданій; доколь напослѣдокъ своехотное рабство его обратится ему въ привычку, и не можетъ уже быть облегчаемо едиными пріятными мечтами. Такъ посланный Цeрировъ усматривалъ въ замѣшательныхъ словахъ Государя своего немилость Сагебу, и собственное свое возвышеніе.

Оживляемый оными мыслями, былъ онъ расточителенъ въ доказаніи своей ревности, и продолжалъ путь свой съ таковою поспѣшностію, что Цериръ началъ чувствовать оглушающую тишину мыслей, коя не должна бы произходить отъ печальной бури въ произведеніи злаго предпріятія. Вмѣсто чтобы неразсудному сему Государю помыслить о нещастныхъ слѣдствіяхъ дерзостнаго своего вознамѣренія, онъ помышлялъ только о средствахъ, оныя выполнить. Чувствительность Ироя, каковъ Густемъ, корыстное мщеніе, которое любочестный Цалцеръ воспріиметъ по тому, были въ умѣ его не таковы важны, какъ препятствія, кои могутъ постановлены для него быть къ пламенному желанію его видѣть Цулику, отъ добродѣтельной

стро-

строгости Сафиры, и великодушнаго постоянства Тулруцы.

Тогда еще нравы восточныхъ Монарховъ не взошли въ степень ва́рварскаго Деспотства (*), съ котораго времяни вошло презрѣніе къ женщинамъ. Еще прекрасный полъ не осужденъ былъ дикимъ безстыдствомъ къ невольничеству, и слѣдственно не утратилъ власти своей, укрощать суровую природу мущинъ. Но какъ высота Королевскаго достоинства достигла ужѐ великой силы, то и Цериръ въ большей части повелѣній своихъ желалъ быть послушаемъ, естьли предпринималъ исполнить по знаменитости своей въ полатахъ отсутствующаго своего друга.

Но ему осталась токмо умѣренная дорога, и склонность его, равно какъ и корысть, учинили его вознамѣренна, сему по-

(*) *Деспотъ слово Греческое, но собственный смыслъ онаго не тотъ, въ какомъ принято оное здѣсь къ выраженію Монарха, владѣющаго неправедно, и коего правленіе учреждается, не по самовластію законовъ и пристойности, но по наклоненію худыхъ его склонностей и мучительства.*

послѣдовать. Онъ отложилъ право Короля, и представилъ себя другомъ любви достойной супругѣ Сагебовой.

Сафира, немогущая отвергнуть нежелаемую честь, приняла съ кроткимъ почитаніемъ то, отъ чего другія нижайшаго состоянія, вмѣсто чтобъ унизить себя, возвысили бы личное свое достоинство, и въ гордость чина таковаго вложили напыщеніе. Она внимала Церира съ холодною воздержностію, она не возражала противу его предпріятія, не оказала согласія въ намѣреніи его; но на упорность его видѣть Цулику, отвѣтствовала съ очаровательно сладкимъ голосомъ.

Великодушный Государь, не принуждай меня покориться твоимъ желаніямъ, и не требуй, чтобъ во время, когда твой Везирь исполняетъ противу тебя должности нѣжнѣйшаго дружества, я забыла мои супружественныя обязанности, и безъ его воли учинила что либо оскорбительное чести и покою дома его. Когда . . . чего однако я не ожидаю. . . Когда повелитъ онъ Цуликѣ, нарушить ею обѣщанную вѣрность Еляху, сыну своего почтеннаго друга Морада, такъ какъ намѣренъ учинить ты съ Принцессою Перизадою, дщерію ве-

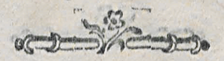
ликаго Рустема: то я покорюсь его волѣ.
Но до толь не предоставлю я неискусному оку юности ослѣпляющія прелести величества, и невинное сердце искушеніямъ любви достойныхъ свойствъ.

Церирь не слыхалъ послѣднихъ словъ Сафириныхъ. Съ мгновенія, какъ началъ ужасаться онъ склонности Цуликиной при наименованіи совмѣстника, ревность лишила его употребленія чувствъ. Наконецъ вскричалъ онъ:

И такъ, дерзкая Гулруца, подъ одеждою великодушія скрыла собственную корысть. Но я научу ее, каковое преступленіе есть обманывать Короля своего. Я казню ее и съ сыномъ, что осмѣлились они оспоривать мнѣ сердце Цуликино, естьли не покажутъ мнѣ идола тающихъ очей моихъ, и жизнь моя не пріиметъ опредѣленія къ щастію или бѣдствію своему изъ возлюбленныхъ устенъ ея.

Сафира не могла противу стать симъ угрозамъ. Нѣжность ея къ другинѣ своей, почтеніе къ Цeрировой чести, изобразили мыслямъ ея бѣду первыя, и стыдъ послѣдняго толь живыми красками, что она тотчасъ приказала позвать Цулику.

Роб-

Робкая, но непритворственная красавица приближилась трепетными шагами и худо скрытою радостію. Видъ ея обезоружилъ Цмировъ гнѣвъ, и онъ спросилъ:

О прекраснѣйшая изъ пола твоего! не обманула ли ты меня? Не ложную ли надежду вліяли въ меня лестныя слова твои? Любишь ли ты Елиха? —— Мнѣ приказали любить его, отвѣтствовала застыдившаяся и незрѣлая дѣвица; но приказъ сей, коему неохотно я повиновалась, сталъ мученіемъ души моей съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла я Короля Кацемскаго.

Я разрываю сей недостойный узелъ, вскричалъ Цериръ. Природа не за тѣмъ произвела тебя толь совершенною, чтобъ быть въ рабствѣ. Власть надъ свѣтомъ недостаточна еще для небесной красоты твоей, и благороднаго твоего чистосердечія. Да я клянусь....

Удержись, Государь! впала въ слова его Сафира, не изрекай толь поспѣшной клятвы, и естьли пользы твои недостаточны умѣрить толь опасные восторги: то помысли, о! помысли о бѣдствіяхъ, въ которыя повергаешь ты друзей своихъ и подданныхъ несправедливостію противу Принцессы Цаблестанскія.

 Преж-

Прежде сойду я съ престола моего, нежели посажу на оный съ собою Перизаду, возгласилъ влюбленный Церирѣ. Сіе торжественно обѣщаю я Цуликѣ, и чтобъ сберечься тебѣ отъ безпокойства, кое возбуждаетъ присутствіе мое въ цѣломудренномъ, но съ лишкомъ боязливомъ твоемъ сердцѣ: то не налагай принужденія на благосклонныя расположенія, кои питаетъ ко мнѣ дочь твоя, по коль отецъ ея, и другъ мой разсудитъ прю общаго нашего благополучія.

Сказавъ сіе, отшелъ онъ, оставя Сафиру понуренну стыдомъ и скорьбію. Опершася на софу, простерла она разверстыя объятія къ Гулруцѣ, вошедшей къ ней съ утѣшительнымъ видомъ склонности. Цулика повергласъ къ ногамъ ихъ, схватила руки ихъ вопія:

Чѣмъ оскорбила я тебя, возлюбленная матушка, что огорчаешся ты столько о щастіи судьбы моей? Гулруца можетъ тогда жалѣть о сынѣ своемъ, когда онъ продолжитъ любить меня; но естьли невольница наша Руска, которой ввѣрила ты вожденіе юности моей, удовлѣтворила твоимъ ожиданіямъ, что вложила въ меня благородную гордость: то въ самомъ дѣлѣ, должно вамъ радовать-

ваться, видя меня приближену къ состоянію, заслуживаемому моими совершенствами, и близъ короны, по которой воздыхаетъ сердце мое, больше для дателя, чѣмъ для даемаго, коль ни безконечно оное драгоцѣнно.

При сей особливой рѣчи взирала Сафира и Тулруца изумленно другъ на друга. Они сѣтовали о безразсудствѣ родителей, довѣряющихъ сокровища, отъ природы имъ ввѣрѣнныя рукамъ рабовъ, и предоставляющихъ невинныя нравы чадъ своихъ опасности, быть испорченными отъ дурныхъ склонностей подлородныхъ и худо воспитанныхъ учителей. Но безполезно было, что Сафира, побѣдя стыдъ заслуженнаго замѣшательства своего, открывала Цуликѣ ошибку ея, и ища оную поправить. Работа освободиться опасной склонности, когда укрѣплена оная страстію, не есть трудъ нѣсколькихъ мгновеній. Доброе дерево чрезъ многія годы худые плоды носитъ, доколь поправится погрѣшность сія прививаніемъ.

Въ томъ, какъ Сафира провождала дни въ горести собственнаго себя обвиненія, укорилъ себя Сагебъ высокомѣріемъ, что снялъ бремя, пещися о всеоб-

щемъ добрѣ подъ развращенною властію. Онъ получилъ письмо Церирово, и былъ чуднымъ повелѣніемъ во ономъ заключеннымъ, столькожъ пораженъ какъ и замѣшанъ.

Въ продолжительномъ пути имѣлъ онъ ежедневные случаи, познавать болѣе и болѣе преизрядный нравъ Перизады. Онъ увѣренъ сталъ, что прелести и добродѣтели души ея весьма превосходили красоту ея особы. Онъ былъ повѣренный цѣломудреннаго ея сердца, толь преизящными чувствованіями одареннаго, что считалъ за невозможное, что бы Церирь, владѣя толь изобильными источниками божія благословенія, не былъ потопленъ, восхитительнымъ благополучіемъ, радующимся содержанію истиннаго удовольствія.

По сей сладостной надеждѣ слѣдовало страшное прозерцаніе неминуемыя войны къ вѣчному сраму Монарха, о комъ питалъ лестныя помышленія, что будетъ онъ удивленіемъ временъ своихъ, и образцемъ потомству. На него возложили непріязненное исполненіе, натянуть лукъ измѣны противу Принцессы, кою почиталъ онъ существомъ вышеестественнымъ, пронзить нѣжную душу ея стрѣлою поноснаго вѣроломства, и

при всѣхъ злахъ таковыхъ сражаться съ собою, чтобы покориться своенравію, за коимъ послѣдуетъ осень раскаянія.

Послѣдняя мысль сія привела оторопленный духъ его къ заключенію. Какъ несвѣдома ему была новая страсть Цериѳова, не сумнѣвался онъ, что присутствіе Перизады исцѣлитъ страждущій его разумъ. Онъ чаялъ, что должность друга извинитъ непослушаніе добровольнаго подданнаго, и продолжалъ путь свой къ Карецму, скрывая по возможности мрачную непогоду сію отъ Принцессы; ибо надѣялся, что первые лучи ихъ взаимно любовь вливающихъ очей пресѣкутъ ту сами.

Подлодушный придворный, насадившій уже желанія честолюбія своего на вершинѣ добраго послѣдства, страшился естественнаго перевѣса, который имѣетъ премудрость надъ коварнымъ и подлымъ ухищреніемъ. Онъ возмутился Сагебовымъ вознамѣреніемъ. Но какъ по щастію не зналъ онъ части приказанія, касающагося до Перизады: то буря обращенныхъ къ выслугѣ его угрозъ пала только на мнимаго его соперника въ благосклонности щастія, коему при отъѣздѣ своемъ возвѣстилъ жесточайшую казнь.

Ве-

Великій духъ при повелительномъ голосѣ угрозъ не можетъ быть отвращенъ отъ добраго предпріятія. Везирь шествовалъ съ ободреннымъ доказательствомъ, что онъ все дѣлаетъ для добраго общаго; или лучше сказать, его вело Провидѣніе, коего совѣты предопредѣлили Сагеба въ доводъ тому, что когда Государи вообще достойны сожалѣнія, имѣя при себѣ злыхъ Министровъ, то добродѣтельный и чистосердечный мужъ достоинъ онаго больше, естьли заступаетъ у Монарха, коего сердце еще и менѣе повреждено, толь трудное и опасное мѣсто.

Конецъ вторыя части.

